

ВЕК XX И МИР

■ СТАТЬИ

■ ЭССЕ

■ ИНТЕРВЬЮ

В НОМЕРЕ:

РОССИЯ ПЕРЕД РЫНКОМ
Новая мифология

РАЗОРВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО
Цивилизации и регионы
как элементы распада

ЕВРЕИ И РОДИНА
Опыт Германии и России

ISSN 0320 8001

5/92

В НОМЕРЕ:

Почта

"УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ..." 2

На страже

РОССИЯ ПЕРЕД РЫНКОМ: ГОЛОСА

А. КУСТАРЕВ. **Обвал или воронка?** 7

Ю. ЛАТЫНИНА.

Атавизм социальной справедливости 11

Ю. НЕЧИПОРЕНКО. **Развязанный демон,
или власть проходимцев** 17

С. МИТРОХИН. **Как отзовутся удары топора?** . . 21

Пространство

В. КАГАНСКИЙ. **Российское пространство:
части сильнее целого** 29

Ю. КОБИЩАНОВ. **Распад пространства -
возрождение цивилизаций?** 34

А. ЧЕРКАСОВ.

Велика Федора, или "small is beautiful!" . . . 42

Мир миров

ЕВРЕЙСКИЕ МОТИВЫ 46

Г. ШУРМАК.

Лицо некоренной национальности 48

С. МАРГОЛИНА.

Германия и евреи: вторая попытка 50

Подтекст

В. ЦИМБУРСКИЙ. **"Кто вы, генерал Панаев?"** . . 56

В. ЕРОФЕЕВ.

"Спасают человека. А что это такое?" 61

"УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ..."

ЗАЧЕМ РЫНКУ ЧЕСТНОСТЬ

Переименовывание реальностей психологически примиряет человека с тем, с чем он никогда бы не смирился, если бы вещи назывались своими именами. К "фарцовке" относятся совсем иначе чем к "коммерции", а к "эротике" - не так как к "порнухе". Хотя реальной разницы между ними может и не быть.

Трудно представить себе политика, открыто отстаивающего на выборах или в парламенте интересы фарцовщиков как социального слоя. Интересы коммерческих структур - другое дело. Занятия respectable и хорошо оплачиваемое.

Бизнес, по выражению одного из героев пушкинской "Капитанской дочки", "действует подкупательно", проецируя свою культурную матрицу на политику. Отечественный бизнесмен догадывается о том, что в политике, в отличие от экономики, деятельностью человека может двигать не только материальный интерес, тем более сиюминутный, а иные, нематериальные, ценностные соображения и мотивы. Но он часто считает это блажью, фактором, с которым можно не считаться. Политик для бизнеса - некто вроде менеджера: если ему заплатить, он должен принять решение, выгодное **данному** бизнесмену, предприятию, союзу предпринимателей. В результате предпринимательские структуры сплошь и рядом оказываются поставлены властями в неравное положение. При этом большой бизнес находится в привилегированном положении по отношению к малому, иностранный - к

отечественному, торговый - к производственному.

Но дело не ограничивается простым лоббированием. Отстаивая собственно чиновничий корпоративный интерес, власти нередко сами выступают в роли субъекта рыночных отношений (например, руководители столичной администрации являются соучредителями множества коммерческих структур и как юридические, и как физические лица). Естественно, что в этой ситуации они устанавливают общие нормы, исходя из интересов конкретных организаций и лиц. "Пытаясь взаимодействовать с нынешней властью, - сетовал один мой знакомый бизнесмен, - все время чувствуешь себя словно во время игры "в очко", где партнер после каждой партии меняет правила в соответствии с набранной им суммой очков, желая выиграть при любом раскладе".

Не стоит идеализировать нравы западных политиков, там тоже нередко звучит слово "коррупция". Но там подобные дела не смеют делать так цинично, в открытую как у нас. На автомобильном политическом рынке одним из главных ресурсов политика является доверие к нему со стороны избирателей. Политик без доверия - это политик без власти. Не будем углубляться в нравственные оценки, споры о честности в политике, но несомненно то, что на Западе сложились довольно жесткие правила игры, за нарушение которых можно поплатиться политической карьерой. И эта культурная матрица рождается в экономике. В рыночной

экономике! Ибо наивно думать, что рыночная экономика является лишь результатом приватизации, либерализации и тому подобных сугубо экономических процессов. В значительной степени она есть результат воздействия определенных культурных норм и ценностей, становление которых - не менее важное условие функционирования рынка, нежели плюрализм форм собственности.

Необходимо создавать равные правила игры для всех как в политике, так и в экономике; механизмы, гарантирующие соблюдение этих правил, и санкции за их нарушение. Пока у нас не станут доминировать дальновидные политики, у которых страх "потерять лицо" в глазах избирателей сильнее боязни сегодня потерять власть, нам не создать ни демократического государства, ни эффективной рыночной экономики.

**Александр Юсуповский,
г. Москва.**

ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ДЕМОКРАТИЮ

Неприятно было читать баранье-овечью статью Гасана Гусейнова "Простота хуже воровства" (N 11, 1991 г.). Ощущение такое после прочтения, как если бы ты съел несколько жирных бараньих шашлыков. Ощущение тяжелого несварения.

Гусейнов пытается профанировать события 19-21 августа 1991 года. Только напрасно он это делает. Великие события так и происходят. Режим долго гнил и разом рухнул, для многих неожиданно легко. И начались всякие домыслы: "мнимые путчисты", "апофеоз двоемыслия", "пародия" и т.д.

Гусейнову не по душе русская национальная идея (его устраивает многонациональный колхоз), русское национальное движение. А что плохого он в этом усмотрел? Русские, как и любой народ, имеют право на самоопределение и свою государственность. Сколько можно жить в государстве, напоминающем восточный базар? Кому степи, а кому и леса с лугами и полями. Кому ислам, а кому и православие. Мы разные, и сбиваться в одно баранье-коровье стадо нам не надо.

А к тому, что написал Андрей Новиков (N 11, 1991 г.) о статье Льва Сигала "Похищение сабинянок" (N 4, 1991 г.), я

бы добавил следующее: разное отношение Льва Сигала к Февралю и Октябрю говорит о многом. Марксистско-большевистская Октябрьская революция - это Троцкий и К, а Февраль - это русская буржуазно-демократическая революция, за которой должно было последовать ускоренное, беспрепятственное развитие капитализма в России. Катастрофой был не Февраль, а Октябрь с его красным террором и неслышанной гражданской войной.

Поразило меня в статье Льва Сигала то, что он закавычил все со словом "демократический": "левая демократическая печать", "демократическая интеллигенция", "демократы", "демократический процесс" в СССР. Одним словом, кто Вы, Лев Сигал? Затрудняйтесь ответить - ответу за Вас я: Вы не большевик или неотроцкист, ностальгирующий по "единому многонациональному евразийскому государству". Понятно, в мононациональном государстве Вам нелегко будет найти свою теплую нишу.

Что касается КПСС, то она реформы так и не начала, и к собственному реформированию осталась глуха.

Лев Сигал зовет назад, а надо решительно идти вперед по пути демократических реформ и преобразований.

**Арнольд Анучкин-Тимофеев,
г. Москва**

БДИТЕЛЬНЫЙ

Жаль, что в журнале "Век XX и Мир" нет отдела юмора. Вспомнился мне один случай, и я решил написать вам о нем.

Случилось это во Владимирской тюрьме, когда по радио я услышал передачу о проблемах катапультирования из военных самолетов. Когда-то и я мечтал стать летчиком, поступал в ДОСААФ, прошел комиссию, но не был принят, возможно потому, что уже тогда за мной присматривал КГБ. Но до сих пор провожаю взглядом каждый самолет.

В той передаче говорилось, что скорость катапультирования настолько высока, что угрожает жизни и здоровью летчиков. И она все время увеличивается с увеличением скоростей самолетов - чтобы киль не ударил катапультируемого. У меня сразу созрела мысль, и я изложил ее на бумаге и послал письмо командующему ВВС СССР. Я предлагал вмонтировать под киль самолета

взрывчатку, которая срабатывала бы за долю секунды до катапультирования летчика и направленным взрывом разрушала киль самолета. Скорость катапультирования тогда можно было бы снизить до неопасной для летчиков...

Вызвал меня капитан Дотиков, который был начальником над нами, политическими заключенными (а за его спиной - работника МВД - стоял КГБ, КГБ выставляться не любит).

- Что вы, Абанькин, тут написали? Что вы все воду мутите? Думаете, есть дураки, которые клонут на ваше предложение? Взрывы какие-то тут придумали... Вы в своем уме?.. Мы ваше письмо не отправим, а конфискуем - а то вдруг еще найдется кто-нибудь, да и воплотит вашу глупость в жизнь, чего вы и добиваетесь. А потом самолеты взрываться начнут. А вы, антисоветчики, хихикать будете тут по камерам, злорадствовать. Нет, Абанькин, не выйдет у вас ничего - не надейтесь.

**В. А. Абанькин,
г. Ростов**

ПРОФЗАБОЛЕВАНИЕ ПРАВИТЕЛЕЙ?

По-видимому, есть нечто в психологии людей, находящихся у власти, что нам, частным лицам, не понять посредством здравого смысла. И любой, кто оказывается у власти, начинает воспринимать окружающий мир, как бы это сказать, несколько неадекватно.

Зачем властям понадобилось предпринимать титанические усилия по недопущению своих оппонентов (а заодно и прочих москвичей с гостями столицы) 23 февраля в центр города? Лавры предыдущего временного правительства спать не давали? Зачем понадобилось все эти страсти-мордасти перед 17 марта?

Ну, с поводом все понятно: как говорят, был бы человек, а статья найдется. 23 февраля власти утверждали, что поскольку на Манежной площади наряду с участниками движения "Трудовая Россия" хотят митинговать еще и "Военные за демократию" (филиал "Демроссии"), то возможны столкновения. (Как будто, если кто желает подраться, он не может прямо, не подавая заявок, явиться на чужой митинг). Но демократы-то, узнав о запрете митинговать в центре города, свою заявку тотчас забрали, а запрет остался в силе.

А если бы и не забрали? Как сами же московские власти поступили накануне 9 февраля? Ельциноидам дали поми-

тинговать у Белого дома, поскольку они сообразили первыми подать заявку, а коммунистов отправили от греха подальше на Манежную. Казалось бы прецедент создан: первому заявителю дается разрешение на митинг в заявленном месте, а последующим предлагают собраться где-нибудь еще. Но перед 23-им Попов с Лужковым шулерским образом меняют собственные правила игры.

Накануне 17 марта с поводом было еще проще: коммунисты и патриоты "плохо вели себя" 23 февраля - не позволим им впредь митинговать, пока свои выводы не представит следствие.

Это все повод. А в чем причина? Казалось бы действия властей - явное безрассудство. Вместо того, чтобы игнорировать оппонентов, предоставляя им возможность выкрикаться на широкой Манежной площади и вконец наскучить публике своими дежурными речами, наши правители затевают с ними полномасштабные сражения, раздувая, по выражению газеты "Коммерсантъ", из пенсионера слона.

Многие усматривают в этом изуверский план: спровоцировать кровопролитие, устроить своего рода "поджог рейхстага" и потом смело завинчивать все гайки, бестрепетно расправляясь с любой оппозицией.

Основания для такого предположения есть. 9 февраля, несмотря на ожидания властей, никаких инцидентов не произошло (коммунисты, якобы постоянно замышляющие провокации, проявили редкое законопослушание и от разрекламированного похода на Белый дом отказались). В результате уволен

замначальника ГУВД полковник Леонид Никитин. 23 февраля происходит столкновения демонстрантов с ОМОНОм - Лужков благодарит сотрудников милиции за умелые действия и выделяет им денежные премии.

Но мне сдается, мы понапрасну демонизируем наших, в общем-то довольно робких, правителей. Это все слишком сложно для них, и слишком пахнет авантюрой. Все эти многоходовые комбинации, похоже, продукт рассудка сторонних наблюдателей, увлеченных игрой интеллекта и сбрасывающих со счетов человеческий аспект.

Наши правители примитивней, и они искренне охвачены паническим ужасом перед любой оппозицией. Один мой давний знакомый - ныне не последний человек в поповском окружении - возбужденно рассказывал мне накануне 17 марта, будто у коммунистов-анпиловцев полно оружия и они готовят "новый путч по грузинскому сценарию" (Ельцин и Попов сравнивают себя с Гамсахурдиа!), собираясь при этом "разыграть армейскую карту".

Видимо, пребывание у власти червато определенной аберрацией зрения. Предыдущее правительство ожидало от демократов вооруженного восстания в Москве сперва 25 февраля 1990 года, затем 28 марта 1991 года. И 19 августа, вводя в Москву танки, они были убеждены, что осуществляют жизненно необходимые превентивные меры.

Ныне та же паранойя охватила партию, одержавшую в августе верх. Тот же психоз накануне 9 февраля, 23 февраля, 17 марта. "Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!"

**Лев Сигал,
г. Москва**

РОССИЯ ПЕРЕД РЫНКОМ: ГОЛОСА

О рынке в России уже можно говорить в настоящем времени. Он уже здесь, он проник в нас, управляет нашими мыслями, эмоциями и поведением, определяет политический выбор и эстетические критерии, стиль жизни и круг чтения. Правда, это не реально существующий рынок, не рынок как всеобъемлющий и всепроникающий организационно-хозяйственный механизм. То, что вошло в нас — это его химера, мифологема рынка как панацеи, способа решения всех наших проблем. Но и это уже очень много. По отношению к Великому рыночному мифу расходятся люди по политическим полюсам, ищут союзников, опознают врагов. Рефлексия рыночной проблематики в российском обществе типична для обращения с мифологемами: минимум прагматики и анализа реальных процессов, максимум морализирования и ценностных суждений, прогнозы стопроцентно предсказуемы в зависимости от идеологического выбора. Соответственно происходит и работа с самой идеологемой рынка: рынок и его агенты либо демонизируются, либо нагружаются "историческим заданием" общечеловеческого прогресса.

Простые мысли, что сама цивилизация рынка является результатом многовековой борьбы за обуздание его спонтанных механизмов, его наиболее активных агентов (а часто - и против рынка как такового), что так называемый цивилизованный рынок имеет условием своего существования весьма малоцивилизованную периферию, наконец, что рыночная реальность есть динамический баланс не просто экономических, но разнонаправленных социальных тенденций и сил, - все это пока вне современного нашего дискурса.

Предлагаемые "Веком XX" тексты не покрывают, конечно, всего поля рыночной рефлексии общества, но достаточно типично отражают основные его идеологические ориентации. Итак, Россия перед рынком: голоса...

А. Ф.

ОБВАЛ ИЛИ ВОРОНКА?

Постсоветский опыт в зеркале европейской истории

Александр Кустарев
(Лондон)

Согласно распространенному сегодня в России представлению, все производства и услуги одновременно должны быть переведены в рыночный режим. Отстаивая это представление, приводят следующий анекдот. Дескать, объявлено было, что транспорт переводится с правостороннего на левостороннее движение. Сначала такси, потом грузовики, потом автобусы и так далее. Абсурдность подобной реформы дорожного движения очевидна. Столь же абсурдным кажется сторонникам этого взгляда и перевод по частям экономики на свободный рыночный режим. Аналогия, однако, обманчива.

Вопрос, на мой взгляд, стоит так: может ли в принципе экономика большой страны в исторически короткие, сопоставимые со временем человеческой жизни сроки стать денежно-рыночной?

Даже на классическом Западе, где рынок стал в конце концов господствующим организационно-хозяйственным институтом, он втягивал в себя разные услуги и производства лишь одно за другим, исключительно постепенно. Более того, про-

цесс этот, не завершившийся еще и сейчас, сопровождался (и до сих пор сопровождается) многочисленными попятными движениями и возникновением новых внерыночных ниш.

Главное отличие генезиса рынка на Западе от того, что происходит в России, в том, что частная собственность там была изначально легальной. Благодаря этому рыночный сектор мог в течение столетий надежно и безопасно существовать как ниша рядом с самодостаточными локальными и "государственными" хозяйствами, отлаживая свои механизмы и институты. Воля агентов рынка к экспансии была в каждый период жестко ограничена сопротивлением нерыночной среды, которая, в свою очередь, не могла (да и не стремилась) уничтожить рыночный сектор общества.

Во многом подобное сосуществование обеспечивалось тем, что в течение нескольких столетий процесс рыночной мобилизации хозяйства на Западе не имел таких технических средств, которые могли бы обеспечить полное, радикальное переваривание всего общества рынком.

И слава Богу! Сегодня, ex post, не столь уж трудно понять смертельную опасность одновременного выхода на рынок всех участников хозяйственного процесса - где-нибудь, например, в XVIII веке.

В наше время в России это технически возможно, что собственно и порождает у части радикальных рыночных реформаторов искушение реализовать эти технические возможности в социально-экономической реальности. Однако последствия подобного "обвала в рынок", уровень социальной давки в случае тотальной и одновременной рыночной мобилизации могут просто блокировать любые механизмы развития, погрузив общество в хорошо известную в мировой практике ситуацию "стабильной нестабильности". Закон рыночного равновесия, что совершенно очевидно, условен; фаза же неравновесия может затянуться очень надолго, а при определенных обстоятельствах вообще уйти в бесконечность.

Классический опыт Запада в этом смысле может многому научить — того, кто вообще хочет чему-нибудь учиться. Исторически рынок здесь складывался на основе аграрного общества, где рыночные флюктуации не сказывались (во всяком случае решительным образом) на условиях жизни основной массы населения. Рыночная экономика возникла на верхних этажах потребления, она выростала на тонком слое излишков и только там, где они были; столетиями рынок манипулировал экзотическими товарами далеко не первой жизненной необходимости, связанными скорее со статусом, нежели с выживанием. Широкие массы продолжали жить в усло-

виях фактически натурального хозяйства, бартерного или почти бартерного локального обмена.

В дальнейшем рыночный сектор, как воронка, втягивал в себя разные сферы деятельности одну за другой в соответствии с некоторой логикой. Согласно этой логике последним ресурсом, втянутым в рыночный режим, оказался основной ресурс аграрного общества -- земля.

В России впервые в истории к рыночной организации переходит не аграрное деревенское, а городское индустриальное общество. Как осуществить маркетинговую городское индустриальное общества с глубоким разделением труда и развитой системой потребностей, многие из которых порождены совсем другими обществами, - этого пока не знает никто, и в этом состоит главная проблема переходного процесса в России.

Осмысливая постсоветскую ситуацию в исторической плоскости развития рынка на Западе, мы должны придти к естественному заключению: единовременный переход от госплановской экономики к рыночной очень мало вероятен. Речь идет лишь о создании некоторых общих условий для того, чтобы формирование легального рыночного сектора началось и продолжилось, а скорость этого процесса определит жизнь.

Очевидно, что прежде всего должна быть разрушена государственная монополия на собственность. Можно, если угодно, считать это введением частной собственности, хотя, разумеется, это старомодное понятие уже не покрывает реальных отношений собственности в современном обществе.

Далее, потенциальные собственники должны убедиться в том, что

ни о какой экспроприации не может быть и речи. Одними заверениями этого сделать нельзя, нужен какой-то срок, чтобы воспоминания о произволе властей и антисобственнической государственной пропаганде изгладились из памяти экономических агентов.

Допустим, эти два условия выполнены: государственная монополия на собственность ликвидирована, а перестройка общественного настроения идет своим чередом и даже продвинулась настолько, что частная предпринимательская активность не отягощена страхом.

Остается сам переход производственной активности в рыночный режим. Правительству Рыжкова и Павлова практически не удалось даже начать какой-то постепенный переход. Возможно, они не знали как это следует делать. Возможно, они лицемерили и просто тянули время, охраняя интересы тех, кто управлял государственной собственностью или паразитировал на ней. Так или иначе, они не сумели оправдать свою тормозящую работу какой-либо солидной и содержательной программой постепенной трансформации. Идея постепенного перехода к рынку оказалась окончательно скомпрометированной, и на рынке идей возобладал анекдот о постепенном, по частям переходе с лево- на правостороннее движение -- сначала такси, затем автобусы, потом грузовики... Анекдот этот как бы иллюстрировал, подкреплял чрезвычайно популярную (в силу своей примитивности и детерминизма) формулу о нерепформируемости коммунизма.

Правительство, зажатое между интересами старого административного сословия и наиболее громоглас-

ной частью общественного мнения, оказалось парализовано. Либерализация и приватизация пошли снизу, и тут же обнаружилось, что большая часть хозяйственного целого на денежный рынок выходить не спешит. Гони постепенность в дверь - она влезет в окно.

Обнаружились две тенденции, которых в свете исторического опыта и следовало ожидать. Во-первых, бартерный обмен. Во-вторых, экспансия иностранной твердой валюты. Обе эти тенденции свидетельствуют о том, что движение к свободному денежному рынку идет, и его можно считать естественным.

Почему естественным? Потому что эти тенденции обесценивают постепенность, а значит сохранение органичности процесса, выживание. Опять вспомним, как шла экспансия рыночного сектора в свое время на Западе. Если выводить из исторического прецедента доктрину, то нужно было бы ожидать (или предлагать) возврат, скажем, трех четвертей советских семей на землю в условия натурального хозяйства. Оставшаяся четверть могла бы заняться производством на продажу предметов роскоши и услуг "люкс". Надо полагать, что теперь это не были бы пряности, скорее книги, аудио и видео, организация поездок за границу и так далее.

Конечно, подобный откат обратно к аграрному обществу можно представить, и при определенных обстоятельствах это даже возможно (например, при настоящем голоде в городах). Этот откат может даже найти себе красивую идеологическую упаковку в виде кооперативной идеологии чаяновского стиля с примесью зеленой идеологии и нео-

религиозных элементов. Но подобный путь реально окажется на повестке дня только после того, как города и традиционная крупная промышленность постараются спастись сами. Они это и делают, прибегая к региональному бартеру.

Поразительно, что при всем различии эпох, культур и даже логик развития советское общество (в отличие от рыночных радикал-реформаторов) реагирует на кризис именно тем способом, каким реально-исторический Запад формировал рыночный сектор! Ведь региональный бартер - это структурный аналог натурального и локально-обменного хозяйства европейского Средневековья. Он образуется с тем, чтобы обеспечить обществу некоторый устойчивый фундамент на время, пока общество выносит, родит и вырастит рыночный сектор.

Рыночный сектор в современном понимании это прежде всего денежный сектор. Какие деньги будут обеспечивать работу рыночного сектора? Такое впечатление, что сейчас рыночный сектор ассоциируется с инвалютным. Рубль вытесняется из рыночного сектора как инфляцией, так и бартером, который в свою очередь подстегивается инфляцией. Хорошо это или плохо? Неизвестно. Важно, однако, другое - появление инвалюты символизирует, подчеркивает и обеспечивает разделение экономики на рыночный и нерыночный сектор.

Каковы будут отношения между ними, то есть как они будут сосуществовать и взаимодействовать? Что будет происходить с нерыночными секторами? Возможен два варианта.

Первый выглядит так. Рыночный сектор будет постепенно, как ворон-

ка, втягивать в себя отдельные производства из нерыночного. Либо оттягивать какую-то продукцию. Возможно, продукцию лучшего качества. Но не обязательно. На рынок может уйти и та продукция, которая избыточна в бартерном обороте и может оказаться очень дешевой. Или же предприятия рыночного сектора могут поглощать каких-то участников бартерного контура.

Второй вариант. Нерыночный сектор может постепенно маркироваться и сам, по мере усложнения бартера. В этом случае в бартерном секторе могут возникнуть какие-то собственные полуденьги, не обязательно в монетарной форме. Между рыночными деньгами и нерыночными установится какой-то курс, на основе которого может затем произойти валютная унификация и объединение рынков.

Не следует, однако, думать, что подобная эволюция будет происходить автоматически. Экономика может остаться расколотой на два сектора. Вряд ли нерыночный сектор надолго законсервируется в виде бартерного. Но он может остаться на уровне подчиненного рынка, превратиться в "рынок бедноты". И таким образом возникнет "двойная экономика", столь характерная для третьего мира.

Рынок будет охватывать российскую экономику с той мерой постепенности, которую подскажет жизнь. Экономическая политика государства может ускорить этот процесс лишь отчасти. К этому надо быть готовым, ибо только понимание исторического темпа процесса может защитить как от иллюзий, так и от отчаяния.

АТАВИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Юлия Латынина

"Если, благодаря своему трудолюбию, кто-нибудь богаче других, то это не должно ему вредить, а если он по своей вине беднее других, то это не должно служить для него источником выгоды."

Цицерон, О республике, IV, 5

Все происходит в истории лишь однажды.

Однажды - превращается в человека обезьяна. Однажды - шесть тысяч лет назад, в Месопотамии, возникает государство. Однажды в Римской республике рождается частное гражданское право, однажды возникает христианство и однажды возникает система представительной демократии.

Рыночная экономика тоже появляется однажды, в средневековой Англии, не самой культурной стране не самой (на то время) просвещенной части света.

Шесть тысяч лет насчитывает история культуры, и лишь несколько столетий - история рыночной экономики.

Рынок, подобно свободе, - поздний и хрупкий цветок цивилизации.

Рынок нисколько не напоминает простую страсть к наживе, которую человечество всегда щедро удовлет-

воряло путем грабежей единоличных и коллективных, сиречь завоеваний и революций. И если считать идею рынка чем-то естественным, присущим самой человеческой природе, - тогда саму природу человека надо определять не как исходное состояние, а как цель человеческого общества, его предназначение.

Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное - то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал "атавизмом социальной справедливости".

* * *

Присмотревшись к социально-экономическим порядкам Меланезии, европейцы обнаружили, что меланезийцы торгуют между собой много больше, чем, скажем, европейские крестьяне XVIII в. Причем речь шла о морской торговле: факт, который нельзя переоценить, если вспомнить, что современная евро-

пейская культура имела своим истоком "береговую культуру" Средиземноморья, где экономика зиждилась на морской торговле и, тем самым, являла собой противоположность "речным культурам" Месопотамии и Египта с присущим им механизмом бюрократического распределения.

Ключевая фигура догосударственной еще меланезийской культуры — не шаман, не жрец, не военный вождь, не царь, а ПРОИЗВОДИТЕЛЬ - "Бигмен".

Бигменом становится человек, который работает усерднее, чем остальные, и тщательно ограничивает свое собственное потребление. Поэтому-то статус бигмена не наследственен, точнее, сыну бигмена надо еще доказать обладание теми же качествами лидера и организатора, которыми обладал его отец.

Подобно капиталисту, он приобретает влияние, ограничивая себя, работая не покладая рук и организуя работающих на основе добровольного подчинения, а не принуждения. Но не торопитесь увидеть сходство со знаменитой "протестантской этикой".

Капиталист все созданное и собранное вкладывает в производство. Бигмен раздает все созданное под его руководством на большом пиру. "Устроителю пира - кости и лежалое тесто. Мясо и жир - гостям", - гласит меланезийская поговорка.

Бигмен сильнее и трудолюбивей каждого отдельного члена племени, но все племя в целом - сильнее его. Люди подчиняются его руководству, только зная, что в конечном счете продукты труда потребляются ими же. Если этого не произойдет, то этические нормы допускают с их

стороны и насильственную конфискацию излишков, и убийство.

Капитал бигмена - не материальная собственность, а власть и уважение и количество зависимых от него людей. Зависимых же людей приобретают, не вкладывая имущество в производство, а раздавая его даром, потому что не плата и не договор, а дар, милость, бенефиций ставят человека в положение личной зависимости.

Так, еще до образования государства, оказывается, что человек инстинктивно подчиняется лидеру и столь же инстинктивно завидует собственнику.

* * *

Греция V-IV вв. до н.э. Аттическое крестьянство стремительно разорялось. Главной причиной было развитие торгового хозяйства. Пшеница, предназначенная для собственного потребления, плохо росла на каменистой почве Аттики. Выгоднее было сажать виноград и оливки, экспортировать вино и масло, а взамен импортировать пшеницу. Зерновое хозяйство, работающее для собственных нужд, заменялось плантациями и виноградниками, работающими на рынок.

Разорившиеся крестьяне бежали в город.

Вслед за рынком продуктов и рынком капитала складывались условия для рынка свободной рабочей силы.

Но аттические крестьяне не были бесправным быдлом: они были одновременно афинскими гражданами. Народное собрание - большой, облеченный законодательный властью митинг - с пониманием отнеслось к их нуждам.

Полис стал оплачивать беднякам исполнение гражданских обязанностей, потому что больше платить было решительно не за что. За участие в народном собрании граждане получали обол, а за участие в судебных заседаниях многочисленные (числом несколько сот) присяжные получали два, потом три оболы. Дополнительные деньги доставались присяжным в результате конфискации имущества подсудимого. Это превратило подобный суд (гелиэю) в сборище бедняков, а судебные речи - в трактаты по политэкономии. Главным аргументом обвинения стало указание на выгоду, которую получают присяжные от конфискации имущества, а защитнику оставалось в духе Адама Смита, обосновывать свойство капитала нести золотые яйца. "Перед судом опаснее быть богатым, чем виновным," - грустно замечает Сократ. И само собой разумеется, могущество доносчиков-сикофантов возрастало, когда в казне кончались деньги.

Демос начинает жить за счет государства, государство - за счет взносов союзников (фороса) и жертвований владельцев значительного количества земли и рабов. Система литургий - пожертвований, добровольных по форме и обязательных по существу, довела кое-кого из последних до разорения. Триерархия (снаряжение триеры, военного корабля), хорегия (оплата хоров на празднике Диониса), пожертвования на гимназии, бесплатные пиршества и снаряжение посольств к оракулам превращают богача в подобие меланезийского бигмена: он имеет право наживать богатство, толпа имеет права это богатство проедать.

Вот он, знатный афинянин, кормит сограждан в неурожайный год зерном и возводит городские стены, а в награду получает уважение и венок.

Вот он,
 Выбранный стратегом,
 все спустивши, влез в долги,
 Иль, назначенный хорегом,
 отдал хору своему
 Все одежды золотые,
 сам же рубище надел,
 Или, получив триеру,
 влез в петлю и в ней погиб...
 (*Антифан, у Афиней, 3, 62, р. 103 E*)

Не всякий античный полис мог похвастаться столь совершенной системой социальной защиты граждан, как Афины. И в большинстве из них вместо частных экспроприаций совершались экспроприации тотальные: революции и/или тираннии.

"Везде, где масса приучена демагогами пользоваться чужим добром и где она возлагает свои упования на жизнь за чужой счет, при демократическом строе дело легко доходит до убийств, изгнаний и раздела земель, коль скоро массы находят... вожака", - грустно констатировал Полибий.

Тиран и демагог легко находил общий язык с теми, кому "зависть и бедность делала невыносимым блеск знатных": он получал власть, толпа - имущество и земли изгнанных собственников.

Так или иначе, граждане понимали гражданские права как право на социальное обеспечение путем дележки мирной или насильственной. В силу этого античный полис не эволюционирует от общества крестьян и ремесленников в сторону капиталистического товарного произ-

водства, а превращается в город-государство, значительная часть граждан которого живет за счет труда рабов и оказывавшихся вне гражданства переселенцев из других полисов (метеков).

...В конце III в. до н.э. вторая Пуническая война опустошает италийские земли и разоряет крестьянство. Бывшие зерновые угодья превращаются в пастбища и виноградники. Вилла, работающая на рынок, становится основой хозяйства.

Разоренные граждане стекаются в Рим. Там законы обеспечивают им бесплатную раздачу хлеба.

Так рождается римский люмпен-пролетариат. Но где взять хлеб для пролетариата? Римский собственник слишком силен, и хлеб отнимают у чужестранного собственника. Провинции - это не рынки сбыта продукции или сырьевые рынки. Это - добыча римского народа (*praeda populi romani*) - земли, с которых внеэкономическими методами собирается зерно для римских бездельников.

В эпоху гражданских войн и затем в эпоху Империи конфискации имущества политических противников становятся обычным средством пополнения казны (при Нероне в собственность принцепса перешла половина имений в провинции Африка), но правительство никогда не забывает снабжать хлебом жителей столицы и войско.

Поздняя Империя это уже гигантский бюрократический механизм, заработная плата чиновников заменяется натуральным довольствием, общество перестраивается на началах крепости государства.

Наконец, Восточная Римская империя открыто берет на себя заботу о мелких земледельцах, "которые

подвергаются опасности впасть в крайнюю нищету и не быть в состоянии уплачивать обычные и установленные казенными описями подати". Этот декрет Юстиниана превосходно поясняет, почему государство столь озабочено желанием "обузды-вать сильных и поддерживать бедных", его фискальные интересы и инстинкт социальной справедливости идут рука об руку. И уже трудно разоб-рать, где курица, а где - яйцо.

Но горе, если сильная, централизованная империя, много веков внушавшая подданным, что забота о социальной справедливости - первый долг государства, норовит этот долг забыть!

* * *

В XIII веке власть над Китаем захватывает монгольская династия Юань, пренебрежительно относящаяся к самой великой культуре средневековья, в том числе и к социально-политическим принципам, предполагающим, хотя бы в теории, что "государство должно взять на себя руководство всеми сторонами народного хозяйства, дабы избавить население от гнета капиталистов".

"Ныне все ваны, гуны и знатные люди захватывают до тысячи цин миньтянь (земли податных крестьян - Ю. Л.), не пашут и не сеют, превращая их в пастбища. Простой народ недоложен. Люди едят людей, деньги покупают деньги. О, как прискорбно!", - вздыхали современники.

Безземельные и обездоленные заполонили Китай.

Но бедняки знали: раньше, в годы неурожаяв распахивались "амбары великого милосердия", выдавались ссуды на обсеменение и инвен-

тарь, государство закупало зерно, регулируя цены, и следило, чтоб не было ни нищих, склонных к бунтам, ни богачей, склонных к независимости. Но старые книги свидетельствовали - раньше "наблюдали над равномерным распределением земли и имущества, раздавали в случае недостатка", раньше не терпели положения, при котором "простой народ, не будучи в состоянии прокормиться, уходит и занимается торговлей"...

Династия Юань этого не делала. Стало быть, она утратила небесный мандат на управление государством. И народ был обязан восстановить справедливость сам.

В 1351 г. началось восстание "красных войск" - одно из тех великих китайских восстаний, которые не только уничтожали власть династий, уклонившихся с правильного пути, но и дважды клали великим династиям начало.

Правительство, спохватившись, издавало покаянные манифесты, меняло девиз правления и спешило задобрить население.

Напрасно. Покаянные манифесты действовали, как созыв Генеральных Штатов в 1789 г.: это была расписка в собственной слабости. Простолюдины знали: "Раньше несправедливые убивали непокорных. Теперь непокорные убивают несправедливых. Только после искоренения несправедливости наступит великое равенство".

В 1368 г., спустя четверть века опустошительных боев, победитель династии Юань и соперничающих повстанческих государств, сын арендатора-издольщика, Чжу Юаньчжан провозгласил основание династии Мин.

Чжу Юаньчжан победил не только потому, что овладел в совершенстве искусством завоевывать, предавать и убивать, но и потому, что возглавил силы, способные на здоровое государственное строительство, уничтожил начавших восстание сектантов, которые, обещая скорое пришествие Майтрейи и рис, растущий сам собой, проводили политику грабежей и убийств, жестоких и бесперспективных, как продрозверстка.

Первой ступенькой на пути к успеху стали меры не по конфискации, а по производству зерна в военных поселениях. И конец царствования был ознаменован невиданным расцветом народного благосостояния, а также непрерывными расправами с бывшими товарищами по борьбе, с судьями, судившими товарищей по борьбе, и над "бесчестными и жадными влиятельными и богатыми людьми".

За первые двадцать четыре года правления обрабатываемая земельная площадь увеличилась в четыре раза, "способных чиновников уцелело всего лишь один-два из ста, и многие большие семьи богатых людей были начисто выкорчеваны".

Император выделял ссуды и вспомоществования, поднимал пустоши и переселял на новые земли миллионы людей, раздавал семена, а заодно предписывал характер, сроки и виды посевов, защищал мелких земледельцев и издавал указы, регламентирующие все стороны их быта, еды, жилья и одежды.

Социальная справедливость и государственный контроль оказывались двумя сторонами одной медали. Народ радовался достатку и с удовольствием следил за беспощадностью государя, карающего смертью тех, кто обманом сгонял крестьян с

земли и пытался соперничать с государством в могуществе.

Сильная государственная власть не терпела независимого крупного собственника: народ же был ей не соперником, а союзником.

* * *

История, однако, не прекращала своих попыток завести рынок. И вот с XIII века в Англии начали сгонять крестьян с земли и превращать поля в пастбища. "Овцы ели людей", а лендлорды стригли овец и продавали шерсть.

Обезземеленный народ стекался в города, голодал и жаловался на судьбу. Но увы! Нищие не были гражданами города Лондона, а короли и не подозревали, что забота о бедных есть обязанность государства: они думали, что это дело церкви и частного милосердия. Закон предусматривал строжайшую кару за бродяжничество, а хозяевам давал право через полицию брать на работу любого бродягу.

Народ был все-таки очень недоумен, и в 1381 г. даже вспыхнуло восстание Уота Тайлера.

Напомним, что в этом, 14 году Хунью в далеком Китае вдвое увеличилась площадь обрабатываемых земель; в очередной раз были снижены налоги; вышло распоряжение: всех преступников, приговоренных к битью батогами, направлять в Чучжоу для выращивания люцерны; был казнен очередной канцлер Ху Вейюн; началось "дело о пустых бланках", стоившее жизни 30 тысячам казнокрадов и корыстолюбцев - с семьями, разумеется.

Английские крестьяне бунтовали целых поллета и разошлись, уповая

на милость короля: сами они не знали, что династия может утратить мандат на правление, а люди ученые их не надоумили.

Но король Ричард не был, в отличие от Чжу Юаньчжана, сильным государем и держал сторону не народа, а парламента, который всего полвека назад низложил и казнил его предшественника Эдуарда II как "неспособного управлять государством".

В это время Чжу Юаньчжан указывал: "Из четырех разрядов народа крестьяне больше всех трудятся и больше всех страдают..." Государство должно дать крестьянам возможность "спокойно жить и охотно трудиться" и должно карать всех, кто "наносит ущерб маленьким людям и выдергивает перья птенца-народа".

Напутственное слово короля Ричарда крестьянам, разошедшимся по домам, звучало так:

"Рабами вы были, рабами и останетесь. Пока мы будем жить и Божией милостью править государством, мы употребим свой разум, свою силу и могущество, чтобы мучить вас так, чтобы рабство ваше сделалось предостерегающим примером для потомства".

Овцы продолжали "поедать" людей. Исчезла "добрая старая Англия", где фермеры сидели за одним столом с рабочими, появились мануфактуры, где нищие дети со слезящимися глазами щипали шерсть за пеньки в день.

Цены на хлеб в 1541-1582 гг. поднялись на 240% сравнительно с предшествующими 140 годами, а зарплата поднялась на 160%.

К началу девятнадцатого века рабочие трудились, по замечанию антрополога Харриса, "по двенад-

цать часов в день в условиях, которых не потерпел бы ни один уважающий себя бушмен..."

Парламент поощрял предпринимателя и преследовал нищего, предоставлял английской шерсти монополию над голландской и ирландской (что весьма способствовало разорению ирландцев), запрещал американцам выделку шляп и железодельное производство (что весьма способствовало Декларации

Независимости), запрещал носить и ввозить индийские ситцы...

Собственник же боялся конкурента, а не народа или государства; страшился разорения, а не экспроприации, и потому умножал капитал, заводил станки и обретал уверенность в том, что сбереженные им деньги уподобятся не зерну, перемолотому и съеденному во имя социальной справедливости, но зерну, брошенному в землю и давшему урожай сторицей...

РАЗВЯЗАННЫЙ ДЕМОН, ИЛИ ВЛАСТЬ ПРОХОДИМЦЕВ

ЗАМЕТКИ ОБЫВАТЕЛЯ

Юрий Нечипоренко

Кто-то заметил, что люди сейчас делятся не на правых и левых, коммунистов и демократов и т.п., а различаются по тому, ездят они за границу за свой счет - или за чужой. Вот реальное дело, одно из самых реальных за последние пять лет - поездка за границу. Ездят сейчас и обездоленные ранее интеллектуалы, и властители новой масти. И по этому ремеслу стоят они, часто непримиримые враги, бескомпромиссные бой-

цы газетных полос и страниц броских журналов — по другую сторону прилавка (слава Богу, пока не баррикад), чем сограждане наши, толпящиеся в очередях. Поэт и переводчик Андрей Сергеев сказал, что он не знает ни одного случая, чтобы наш литератор не "продался" за доллары. И те стойкие и непримиримые, которые сохраняли честь даже в годы, когда им грозила физическая опасность, сейчас не считают зазор-

ным "ставить перо свое на службу капиталу". Может быть потому, что таковы условия, в которые поставили всех нас?

Гавриил Попов, один из игроков волшебными словами, после того, как стал мэром, начал изъясняться более прямо - мол, в столице могут себе позволить жить только богатые люди. А куда бедных девать? Идет целенаправленная политика вытеснения. Потому что каждый освободившийся метр можно продать за валюту иностранцу. Московский народ, привыкший к напастям, затаился по коммуналкам, грызет сухари. Идет соревнование - кто кого: народ ли переживет своего избранника, или доконает - таки Попов любимых избирателей, съест их вместе с их депутатами.

Власть наша долго отстаивалась. С пятьдесят шестого года началась новая эра - убивать почти перестали. Больше продавали, покупали - то есть правители наши стали физически не так опасны для населения. Вор-домушник, грабитель не так опасен, как патологический убийца, коррупция - невинная игра по сравнению с ГУЛАГом.

Треть столетия, прошедшая с 1956 года, привела к тому, что к власти могли придти и относительно порядочные люди, соизмеряющие то, что они берут себе, с тем, что дают другим. Возникло много спорных вопросов, например, об оценке прошлого. И по этим вопросам можно было легко критиковать правителей, что давало особое психологическое преимущество людям интеллигентного труда, - они видели перед

собой, над собой глупцов, дебилов, дегенератов, несправедливо удерживающих власть. Казалось, всему виной - система, аппарат и так далее. И появился великий искус все переиначить, началось великое хождение интеллигенции во власть. Тут произошла удивительная вещь: в поход вышли к власти многие, а дошли почти сплошь одни проходимцы.

Вот в трех словах грандиозный сценарий эволюции правителей: убийцы - дегенераты - проходимцы. Встает вопрос - опаснее ли для народа новые проходимцы, чем старые добрые дебилы?

Ответ на этот вопрос неутешителен. Не потому только, что те, старые были уже сытыми и соблюдали видимость приличий. А потому, как ни странно, что при дебилах народу можно было как-то кормиться, ему давали жить в соответствии с детально разработанной системой распределения. Социализм как система распределения связывал демона денег по рукам и ногам, и реальные блага человека зависели от места, которое он занимал, в большей степени, чем от его дела. Вместо укрощенного демона денег реально работало слово (в виде команды или инструкции) вкупе с местом, откуда это слово звучало: "сверху", "снизу" или "сбоку".

Пришедшие в власти проходимцы первым делом развязали и отпустили на волю могущественного демона денег. Они назначили даже специальное ристалище, где этот демон мог бы резвиться на свободе - "рынок". Рубль, по их идее, набрал-

сы бы сил, наработал бы мускулы - наподобие культуриста - и сразился бы с пресловутым долларом, и заткнул бы его за пояс... Все эти абстрактные построения рухнули благодаря одному простому факту - самим правителям новым народ наш невыгоден. И ест он много, и болеет, и работает с лентой. Куда как выгоднее народ американский - жизнерадостный, богатый, здоровый - он, приезжая сюда, оставляет бесценные доллары свои, побивающие наши рубли. Как хозяину квартиры выгоден квартиросъемщик иностранный, так и правителям нашим, на которых в первую очередь и подействовал горячий дух демона денег, - выгоднее население все из Москвы выжить, заменить иностранцами. Да что из Москвы - вся страна наша - новый Клондайк, дешевый рай для иностранца.

В стране впервые за всю ее историю создана принципиально новая ситуация: население не нужно правителям. Высококвалифицированные специалисты, хотите выжить - прочь из страны! Люди способные и талантливые, хотите прокормить своих детей? Продавайтесь за доллары. Трудолюбивые, хотите, чтобы результаты вашего труда не отобрали за бесценок, - собирайте манатки, уматывайте.

В один день условия жизни в стране стали невыносимыми для огромного большинства народа. Очень просто - выросли цены так абсурдно, что перед гражданином встал вопрос выбора - или терпеть изо всех сил, собрав все свое самообладание, - или найти путь наживы. А проще всего -

перестать быть гражданином, освободив место для других. Люди поставлены друг по отношению к другу в условия, рождающие неприязнь, - в скотскую конкуренцию за пищу и жилье. Уедешь ты — и остальные вздохнут свободнее. Умрешь - и станет легче другим.

Удивительная история происходит на наших глазах - трехгранный штык власти "место - слово - дело" начинает сменять демон денег. Трещит по швам система, но так же непоколебимо стоит режим, ни во что не ставящий свой народ. И теперь, чтобы выжимать из населения последние соки, не надо даже никого загонять в ГУЛАГ или в психушку. Теперь на него работает прирученный демон - и с помощью простых операций с ценами, зарплатами и счетами можно обобрать сразу весь народ: "повысить, заморозить, арестовать...".

Резкое сокращение жилищного строительства в столице, возникновение очагов напряженности буквально на ровном месте и по любому поводу - можно множить и множить примеры прямого вреда, который принесли народу новые правители. Можно ожидать и большего - если, доведенные до отчаяния методами продрозверстки, крестьяне станут жечь на корню урожай - или просто не сеять.

Эти скачки демона по кругу добрые фантазеры, доктора экономических наук называют путем к рынку. Хочется сказать им: "Доктора! Вылечите вначале свои науки, не ставьте экспериментов на нас!" Но они берут кредит доверия под обая-

ние болванов - и снова поднимают цены. То, что было трагедией год назад, теперь называется экономической программой.

Писатель — не доктор и не предписывает лечения. Он может лишь передать другим свои личные ощущения как наблюдательный обыватель. Поверьте, Польша, которую нам ставят в пример, показалась мне психологически самой далекой страной на свете. Дух коммерции, особое положение между Востоком и Западом, сильный частный сектор в сельском хозяйстве, сильные профсоюзы и, наконец, истовое католичество делает эту страну исключением из всех правил, которые могли бы сгодиться для нас.

Напротив, Китай, где партократы так и не подпустили проходимцев к власти, явил в последние годы экономическое чудо, обогнав по темпам роста Японию. Введение продналога вместо продразверстки преобразило великую державу, оживило хозяйство, накормило население. Китай

показался мне самой многообещающей, перспективной страной - очень похожей на нас. Дай Бог нам обладать терпением и силой духа, присущей китайскому народу.

Мы живем в стране, где психологическая атмосфера имеет гораздо большее значение, чем материальные ценности. Мы живем в стране традиционно идеалистической, религиозной и духовной. В этой стране, как в никакой другой, нельзя терять присутствие духа - другой опоры у нас нет. Я же пишу эти строчки с горечью, начиная осознавать, что самообладание - главное богатство народа - начинает нас покидать. Яд долларов и манипулирование массами - две новые опасности, которые принесли на "крыльях перестройки" народу новые проходимцы. Ясное осознание места, которое они занимают в нашем обществе и в истории страны, позволит, может быть, частично уменьшить тот вред, который они наносят нам.

КАК ОТЗОВУТСЯ УДАРЫ ТОПОРА?

Новое неравенство как социальный динамит

Сергей Митрохин

Третья революция

90-е годы XX века, по всей видимости, войдут в историю России как эпоха трех революций, или, возможно, трех стадий одной революции, жестко предопределяющих друг друга. Первая, политическая, завершилась в августе 1991 года; вторая, экономическая, даст, видимо, первые ощутимые плоды через 2-3 года. Однако параллельно с ней и обгоняя ее будет набирать ход третья - социальная революция, которая станет реальностью очень скоро, но окончательно изменит облик России лишь на исходе тысячелетия.

За последние годы о проблемах, связанных с первыми двумя стадиями, были написаны горы публикаций - чего никак не скажешь о третьей. Тема социальных изменений до сих пор остается куцем приложением к разговорам о политике и экономике. Приложением бесплатным, потому что даже те, кто пугает "социальным взрывом", не хотят, кажется, тратить усилий на развернутое обоснование своих угроз.

Подобная расстановка приоритетов вполне естественна: политика и экономика - это злободневные темы, а злобой дня сегодня является задача "накормить народ". Нет ничего очевиднее с точки зрения здравого смысла. А здравый смысл сегодня - не столько позиция, сколько религия. Пророки этой религии - популярные экономисты-публицисты - уже сошли с исторической сцены; наступило время ее "теократии" - реформаторского правительства Ельцина - Гайдара.

Берусь заранее поздравить реформаторов с неизбежной победой: поставленные ими цели (стабилизация рынка, бездефицитный бюджет и т.п.) настолько тривиальны, что ничего кроме радикализма для их реализации не потребуется. Поэтому и начали с самого наглядного и шокирующего проявления радикальности: отдали цены на произвол государственных монополий. Тот, кто думает, что этот путь ведет к полному хаосу, скорее всего ошибается. Монополии не заинтересованы в крахе системы, позволяющей им процветать. Идя рука об руку с этим

партнером, правительство Ельцина может достаточно быстро осуществить свои декларации: стабилизировать рынок, укрепить финансовую систему и сбалансировать госбюджет. Исполнится сон реформаторов: народ будет "накормлен" (то есть удовлетворит критический минимум своих потребностей), так и не восстав.

Очевидно, однако, что за эту идиллию, по всей вероятности, стране придется расплачиваться долго и мучительно. Удары топора, которым строят светлое рыночное завтра, неминуемо чем-то отзовутся в нашей судьбе: будущее имеет обыкновение жестоко мстить за легковесность, с которой решаются проблемы настоящего.

Социальная структура: конец равновесия

Самым ужасным результатом реформ будет сокрушительный удар по социальной структуре, унаследованной от советской эпохи. Эта структура оказалась настолько стабильной и ударопрочной, что выдержала падение "реального социализма" (практически везде, кроме регионов национальных катаклизмов). Падение властвующей элиты не привело к сколь-либо серьезным социальным конфликтам или катастрофам (о чем предупреждали некоторые социологи) не в последнюю очередь и потому, что наиболее резкое расслоение осуществлялось в советском обществе именно по признаку обладания властью. Падение партократической элиты было срав-

нительно мягким, поскольку другие признаки, расслаивающие общество индустриального типа (доход, обладание собственностью, образование, профессия, социальный престиж и т.д.) в советском обществе не были значимыми в той степени, которая с неизбежностью обуславливает жестко конфликтные отношения социальных страт.

Прочное сцепление разнородных слоев в советских условиях имело место не только благодаря короткой социальной дистанции между ними, но и в силу такого явления как определенная взаимоуравновешенность статусов: низкая зарплата и абсолютное безвластие интеллигента обесценивали его высокий образовательный ранг и относительную свободу в глазах рабочего, имевшего, по крайней мере, более солидный доход, - что не позволяло подспудной недоброжелательности перерасти в открытую ненависть. Напротив, представитель умственного труда компенсировал свое унижение сознанием престижности высшего образования и интеллектуальной профессии, карьерными перспективами и большей свободой распоряжения своим рабочим временем.

Иными словами: материальное положение не было доминирующим фактором расслоения, противвесом ему служили не менее значимые - внеэкономические - параметры.

Вот этим-то основаниям общественной интеграции сегодня на наших глазах стремительно приходит конец. Переход контроля над собственностью от государства к гражданам грозит пойти по самому худше-

му варианту: гигантская часть национального продукта неуклонно поступает уже даже не в распоряжение, а в легальную собственность новых и старых экономических элит, а непропорционально малая течет сквозь пальцы большинства населения. Уровень дохода становится главным параметром стратификации, не сбалансированным никаким противовесом. Происходит выравнивание статусов по уровню дохода, а это означает, что на смену высокоинтегрированной, устойчивой социальной структуре грозит прийти наиболее нестабильная разновидность классового общества.

Общество такого типа обречено постоянно балансировать на грани социальной войны. Чем резче и одномернее социальное расслоение, тем выше заряд негативных общественных настроений (ненависти, зависти, страха), испытываемых различными слоями друг к другу, тем глубже их взаимное отторжение. В этом смысле, будущее социального мира в стране зависит от того, сможет ли правительство предотвратить лавинообразно нарастающие в процессе стихийной приватизации чудовищные диспропорции в распределении бывшей госсобственности между различными социальными-экономическими группами.

Об оптимальном варианте приватизации можно было бы говорить, если бы в результате ее были обеспечены максимум экономической свободы высшему классу, собственности - среднему и социальных гарантий - низшему. Причем главная ставка должна быть сделана на со-

здание и культивирование среднего класса.

В западных обществах тенденция к сокращению социальной дистанции имеет место именно благодаря прочному положению и длительному росту среднего класса, который тем самым сглаживает резкость социального расслоения и является главным гарантом стабильности. Напротив, в странах "третьего мира" колоссальный разрыв в доходах, в уровне и стиле потребления, в самом образе жизни между верхними и беднейшими слоями населения колоссален, а доля средних слоев не сопоставимо (с Западом) низка. Самым прямым и очевидным следствием этого является хроническая ситуация "стабильной нестабильности", которую ярче всего можно представить на примере Латинской Америки.

Новая стратификация как социальный динамит

Если не удастся обеспечить минимально необходимый уровень доходов, объем и влияние среднего класса, в обществе неминуемо возникает самая опасная с точки зрения стабильности разновидность социальной идентификации - классовая. Начало этого распада общества на классовые идентификации придется скорее всего на время не до, а после стабилизации рынка (причем не будем забывать, стабилизации на очень низком уровне). К этому моменту огромное количество людей, утратив надежды на изменение личной ситуации, теплившиеся в пери-

од экономического хаоса и неопределенности, поймет, что перебор с питанием есть еще не самая страшная трагедия в этой жизни, -- и с трезвостью разочарования осознает жесткие рамки своего социального ранга.

В этой ситуации каждый из основных трех классов будет по-своему нести в себе потенциальную угрозу стабильности. Высший класс (крупные предприниматели и собственники, акционеры предприятий-монополистов, связанная с госсектором бюрократия и обслуживающая связи с мировым рынком компрадорская буржуазия), сосредоточив в своих руках огромное богатства, окажется красной тряпкой практически для всего общества. Демонстративное потребление, ориентированное на западные потребительские стандарты, от которого уже сегодня не могут отказаться наши нувориши, будет подпитывать неугасимую ярость низших слоев и еще долго не даст умереть (или по крайней мере ослабнуть) коммунистическому движению.

С другой стороны, пропасть, которая проляжет между богатым и средним классами, не позволит первому рассчитывать на партии, имеющие социальную базу в лице последнего. А так как "верхние 5 процентов" практически нигде не смогли создать сколько-нибудь значительных собственных партий, их потребности в неофициальном (и по сути внезаконном) влиянии на государственный аппарат окончательно сотрут грань, отделяющую пока еще лоббирование от коррупции. В

этом случае доверие населения будет подорвано не только к конкретным политикам, но и к демократическим институтам вообще (явление, которое также хорошо известно из латиноамериканского опыта).

Наиболее активная часть неимущего класса (рабочие разорившихся и убыточных предприятий, бывшие колхозники, так и не ставшие фермерами, безработные, а также огромное большинство людей, не сумевших рационально использовать возможности эпохи приватизации) - станет поставщиком "массовки" для разного рода революционных движений.

И их протест, как показывает опыт стран со сходной социальной структурой, вряд ли ограничится только мирными митингами, демонстрациями, забастовками. В свой срок появятся и подпольные группы, специализирующиеся в области диверсий и террора, практически неуничтожимые благодаря благоприятной социальной среде. А это в свою очередь означает состояние вялотекущей, но зато перманентной внутренней войны -- со всей присущей ей чрезвычайщиной, ответным террором властей и пр.

Но даже не будь всего этого - большой малоимущий слой сам по себе создаст непереносимую нагрузку на экономику. Высокие налоги, необходимая помощь неимущим (не помогать же - означает бунт и кровь) навряд ли станут стимулом для развития деловой активности. Правительство, вынужденное обременять ими другие классы, не заслужит благодарности от низшего и ста-

нет врагом в глазах высшего и среднего - на который придется основная тяжесть налогов.

Средний класс - мелкие и средние предприниматели, преуспевающая часть интеллигенции, рабочие прибыльных предприятий, новые собственники, выигравшие от приватизации - в ситуации резкого расслоения будут испытывать двойную фрустрацию: страх перед разъяренным низшим классом и ненависть к недостижимому высшему. Самый печальный из возможных результатов приватизации - создание слоя "фрустрированных собственников" - этой потенциальной базы фашизма (который, по определению Сеймура Липсета, является экстремизмом среднего класса).

При монопольной структуре экономики представители этого слоя будут постоянно жить под дамокловым мечом разорения. Эмоциональная сфера, в которой преобладают тревога, зависть, страх, - прекрасная почва для развития комплекса неполноценности - как социальной, так и национальной, если учесть, что в числе классовых врагов окажутся не только отечественные монополисты, но и иностранные инвесторы. Комплекс национального превосходства (иными словами, национальной сверхполноценности) русского народа, до сих пор спасавший Россию от межэтнических конфликтов и национал-патриотов, постепенно может быть вытеснен массовой ущемленностью среднего класса, который тем самым окажется авангардным слоем, консолидирующим на новой основе русскую

нацию. И если в отношении Запада возобладает лозунг изоляционизма, то бывшие республики СССР так просто не отделаются: воля к восстановлению империи будет нагружена идеей социального реванша и может приобрести небывалую дотоле силу.

Как видим, при всем различии новых классов они будут сообща работать на усиление нестабильности и ликвидацию демократических институтов. И если (точнее, когда) эти воздействия придут в резонанс...

Обходной вариант

Разумеется, речь идет о самом неблагоприятном сценарии развития событий, вполне возможном, если уже сейчас, причем в срочном порядке, не будут предприняты упреждающие меры. Стратегию должна разработать группа экспертов, но ее контуры, вектор представляются достаточно очевидными.

— Стартовые условия для развития среднего класса создаются не рыночным, а директивным путем. Положиться здесь на стихию рынка - значило бы безвозмездно отдать все монополиям. После чудовищного скачка цен средствами для платной приватизации располагают только крупные собственники - большей частью монополисты. Бесплатная приватизация поэтому необходима, но не как универсальный принцип (что было бы на руку тем же монополиям), а в качестве регулятора, упреждающего диспропорции перераспределения.

— Помимо прямого и жесткого вмешательства государства в процесс дележа госимущества, необходимо предотвратить естественную дискриминацию новых - робких и неокрепших - собственников со стороны сложившихся коммерческих структур. Недопустима, например, ситуация, когда банки отказываются открывать кредиты (или даже счета) лицам и предприятиям с небольшим капиталом.

— Необходимо создавать специальные фонды для поддержки мелкого и среднего бизнеса. Получая дотации из этих фондов, банки могли бы организовать льготный кредит для начинающих коммерсантов - выходцев из групп социального риска (работников неперспективных предприятий, военных, безработных и т.д.). Фонды пополняются за счет налогов, взимаемых с крупных приватизаторов.

— Организовать коммерческое просвещение - не только через средства массовой информации, но и на производстве, в учебных заведениях, по месту жительства. Приоритетными в этом отношении должны стать предприятия и районы с пониженной деловой активностью. В школах и ВУЗах преподавать основы предпринимательства. Сегодня комерческие способности населения реализуются лишь в той, чрезвычайно незначительной, степени, которая необходима для обслуживания монопольной структуры экономики. Только общество, раскрепостившее свой коммерческий потенциал, сможет выделить из себя предпринимательский слой, могущий на-

столько, чтобы нанести окончательный удар по монополиям.

Вульгарный либерализм: великий меритократический миф

Было бы наивно и нелепо возлагать задачу предотвращения катастрофического пути развития на одно лишь правительство. В конечном счете, правительство реализует программу, выработанную и легитимизированную теми или иными социальными группами. Так, программа нынешнего правительства - это всего лишь один из промежуточных итогов могучего умственного течения постсоветской интеллигенции, которое можно назвать "вульгарным либерализмом". Вульгарный либерализм есть самобытный результат усвоения западной идеологии советской ментальностью. Представляя собой полурелигиозную веру в чудодейственную силу экономических доктрин, вульгарный либерализм совершенно игнорирует тонкие живые ткани, связывающие человеческий социум с экономической реальностью.

Если "отцы-основатели" вульгарного либерализма Шмелев, Попов, Селюнин и даже нынешние его фанатики Пинскер и Пиляшева при всей своей идеологической заданности все же искали какие-то прагматические решения конкретных экономических ситуаций, то его литературная (фактически -- обыденно-бытовая) интерпретация производит порой просто отталкивающее впечатление.

В N 48 "Московских новостей" за прошлый год была напечатана заметка писателя Александра Кабакова "Свобода или смерть. Голодная." Прочитанная затем несколько раз по радио России - диктор назвал ее цитатой недели - она прозвучала как своеобразный Манифест Текущего Момента.

Объект издевательств автора - "простые советские люди", которые "в ужасе отшатываются от робко выглянувшего лика экономической свободы... Это что ж получается? Строили светлое будущее все вместе .., а теперь приватизировать, значит, будем врозь? Кому повезло - тот магазин получит, а неудачникам довольствоваться малогабариткой с со вмещенным протекающим санузлом?... О-хо-хо... Нема, граждане, справедливости". Прямо-таки наизнанку выворачивается Кабаков, издеваясь над тупостью тех, кто отказывается урчать, получив объедки со стола приватизации. Затем он воспекает благотворную функцию "акул капитала", аргументируя тем, что "деньги не пахнут" и что "без убийцы коров нечего есть" и "только богатые могут помочь бедным". Не понимает писатель Кабаков граждан, не желающих нюхать вонючие деньги: "Все ищем справедливой приватизации, чаем капитализма с человеческим лицом, рынка - без проторговавшихся..." От глубочайшего сарказма он переходит к патетике: "Вот тут-то я и объявляю, за что я люблю капитализм: за то, что там нет власти троечников. Тех самых, для которых... была создана прежняя наша система."

Отбросим эмоции, вызванные образом лизоблюда, восславившего кровавого мясника за то, что тот может накормить. Перед нами - последнее слово вулгарного либерализма - воинствующей религии постсоветской интеллигенции. Но не напоминает ли все это горьковской любви к хаму, приведшей к катастрофе дореволюционную интеллигенцию? Простив ему хамство ввиду "исторической прогрессивности", она, вероятно, отнеслась к нему покабаковски ("без них жизнь невозможна, вот в чем штука!") - и вручила хаму мандат хозяина жизни. Отличие дореволюционной интеллигенции от современной, перестроечной - в том, что первая поклонилась нищему хаму, последняя же поклоняется хаму богатому. Общая же их черта заключается в самой потребности поклоняться.

Отсутствие некоего аналога казовой гордости (твердости) приводит к утрате иммунитета. Неспособная к самостоятельному бытию и мышлению интеллигенция в России всегда принимала сторону какого-либо класса, добровольно поступаясь своим правом беспристрастной морально-интеллектуальной оценки.

К великому сожалению, интеллигенция никогда не идет к своему краху одна. Как правило, по этому пути за ней следует и все общество. Посмотрим в каких категориях типичное интеллигентское сознание мыслит сегодня общественный строй. Кабаков предлагает обществу одномерную шкалу оценки человеческих

качеств, главным мерилom которой является коммерческий успех.

Можно ли лучше культурно и идеологически услужить нашему нуворишу? Круглые отличники встречаются редко; имея высший балл по коммерции, прославленный писателем герой может быть тем же самым "троечником" по другим "предметам", предполагающим способности и достоинства, не каждое из которых продается на рынке. Следуя данному подходу, отличник - это тот, кто преуспел на ниве предпринимательства, даже если он глуп, ничтожен и подл во всех других отношениях. Кто самый богатый, тот самый честный и самый умный, кто наверху, тот заслужил -- пошлая версия меритократического мифа...

Судьба общества, в котором господствует одномерная перспектива оценки, печальна. Чем более распределение богатства совпадает с распределением социального престижа, тем больше вероятность взаимного отторжения слоев - низших, средних и высших, тем ближе и острее опасность дезинтеграции с ее разновидностями от революции до гражданской войны.

Конечно, в мире нет страны, где бедные не испытывали бы неприязни к богатым. Но эта естественная неприязнь может быть усилена или ослаблена - в зависимости от факторов скорее социо-культурного, не-

жели экономического порядка. Если представители малоимущих слоев усвоят, что они не имеют никаких шансов на поощрение обществом своих "нетоварных" достоинств, это приведет не только к устрашающей моральной деградации, но и к взрывоопасному обострению классовой ненависти. Напротив, там, где общество наряду с коммерческой шкалой оценки культивирует какие-либо иные (например, этическую, культурную..) - социальная ненависть бедного к богатому может быть уравновешена стремлением первого к моральному (эстетическому и т.п.) превосходству над вторым. Не имея шансов разбогатеть, он может добиться признания и почета совсем на другом поприще.

Для современной российской интеллигенции стать беспристрастной означает: прекратить заискивание перед прогрессивными или "необходимыми" классами, будь то пролетарий или нувориш, - и судить их по делам их, а не по общественной полезности. Презрение к власти и барышу могли бы лечь в основу открытой для представителей любого слоя, но совершенно особой авторитетной аристократии духа. Без нее это общество может просто не выжить. Хотя, возможно, массовая интеллигенция советского образца уже не способна достойно выполнить роль общественного лидера.

РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЧАСТИ СИЛЬНЕЕ ЦЕЛОГО

Владимир Каганский

Существует ли Россия?

Советский Союз был не столько государством, сколько способом временной организации пространства, обреченного на распад. Восприимчиво Россией наследия СССР - наследование его судьбы. В России есть печатный станок обесценивающихся рублей и неисполняемых указов, военное командование с массой атомных бомб. Кроме того - масса надежд, мифов и претензий. Больше, в сущности, нет ничего. Нет общего пространства нормы, закона, власти, силы, валюты, идеи...

Правда, есть множество административных единиц, и в каждой своя власть и жизнь, особые нормы и неписанное обычное право. Где-то в обычае публичные порки, где-то - система замещения должностей на основе национальных квот, и всюду - свои системы прав, льгот, привилегий, дискриминаций. В областях и краях формируются национальные (муниципальные) правительства, армии и полиции, на границах - та-

можни с обысками, досмотрами и беспардонными конфискациями товаров. Кое-где в обычай вошло бегать на толкучку за границу, а во многих регионах - периодически громить, грабить и изгонять инородцев. (Общественность поразительно равнодушно взирает на прокатывающиеся волны цыганских, чеченских, кавказских погромов).

Местные власти охотно пользуются многочисленностью, запутанностью и противоречивостью законов, указов и директив Российского центра, к выгоде своей принимая нужное и отвергая ненужное. Кое-где уже напечатаны и вот-вот будут вводиться в обращение свои деньги. Столица же вообще получила статус, позволяющий отвергать писанные новые законы; вторая столица превращается в вольный город. Покупательная способность рубля варьируется по регионам столь сильно, что на разнице его курса играют, как играют на разнице курса доллара в разных странах. О суверенитетах, декларациях, республиках,

присвоении регионами всех богатств и фондов на их территории и так далее - говорить и нужды нет.

Общими для всей России остаются лишь трудности, но в этом она просто часть бывшей территории СССР.

Структура постсоветского пространства

Обычная же жизнь продолжается, выживание обеспечивается, привычное недоедание не переходит в голод. Но различия в уровне жизни и способах выживания быстро усиливаются, пространство все больше дифференцируется, явственнее его ячейки, четкие и почти замкнутые. Эти ячейки - единицы административного деления, административные регионы (республики, области, края). Вот они-то подлинно реальны как экономические и все более как политические субъекты. Пока спорили о федерализации России, прежние единицы административного деления получили куда больше реальных прав и фактических полномочий, чем даже члены конфедерации.

Административные регионы России одинаковы, как детали конструктора. Всюду во главе мощный, доминирующий центр - и подчиненная ему периферия; связи замкнуты на центр, на границах царит бездорожье. Именно в пределах регионов сложились мощные властно-экономические клубки, регионы внутренне взаимосвязаны прежде всего теневыми хозяйственными связями. Региональная теневая экономика как-то компенсировала нереальность централизованного планирования и значимость этих функ-

ций и превратила регионы в экономические системы, сформировавшиеся задолго до перестройки. Теперь они стали явными субъектами.

Каждый регион представляет собой вполне реальную социально-экономическую, а не только административную целостность. Она держится на множестве связей, которыми интегрированы регионы, а равно и тем, что административные регионы - универсальные ячейки всех государственных структур. Для решения всех видов задач прежде государство использовало одну-единственную сеть - административно-территориального деления, и ее ячейки-регионы стали универсальными и полифункциональными. Каждый из них подобен в этом целому государству. Полузамкнутые их экономики способны к самообеспечению в главном: не надеясь на дальние связи, каждая административная ячейка все основное имеет у себя. Недостающее добывается бартером, для чего регионы фактически обложили натуральным налогом предприятия на своей территории. Даже размещением населения и производства регионы очень похожи на государство: все важное в середине, вблизи центра, а на периферии - запустение.

Такая система административных регионов, целенаправленно выстраивавшаяся во имя реализации требования "единства административного деления и экономического районирования", делает пространственное устройство нашего общества государством совершенно уникальным. Есть только одна сеть ячеек, одна универсальная иерархия центров и регионов, одно расчленение страны. Такая система обеспечивала мощь контроля и насаждала одно-

образе. "Душой" системы административного деления была надрегиональная всепроникающая структура компартии.

Но именно создание единых регионов как вполне реальных районов, где замыкается и обыденная жизнь людей, сформировало такие единицы, которые при ослаблении внешнего контроля смогли легко фрагментировать страну. Будучи структурно тождественными, административные регионы должны были жестко конкурировать на административном рынке за ресурсы; именно их одинаковость приводила к тому, что получить что-либо один регион мог только за счет другого. Но стремление всех составных частей системы увеличить свою долю при общем сокращении пирога привело к слому центра, который делением пирога и занимался.

Революция регионов

Центральная, надрегиональная власть держала административные регионы в узде, сдавливала, но и централизованно обеспечивала. Ее больше нет. После так называемого путча все инструментальные структуры центральной власти развалились и/или дискредитировались, регионализировались или исчезают. Ничто больше не держит в упряжке административные единицы. Одни функции бывшего союзного центра достались Западу, другие упали вниз, к административным регионам. Путч имел результатом фактическую победу регионов над центром, и она не зависела от политических симпатий региональных властей.

Мы живем сейчас в новой, непривычной ситуации. Иерархия верти-

кального подчинения и централизованного согласования интересов регионов заменилась на горизонтальные отношения между ними. Впервые отчетливо доминирующим стало горизонтальное, а не вертикальное направление властного пространства.

Очевидно, что множество административных и национально-административных регионов в роли самостоятельных политических и экономических субъектов, - ситуация не лучшая для жизни. Что уж говорить о гражданском обществе!

Но бессубъектной политической игры и экономической жизни не бывает. Нет у нас на пространствах Российской Федерации других целостных систем, субъектов, способных к самостоятельному поведению в пространстве; даже сильные этнические общности становятся такими субъектами, только взяв под плотный контроль некоторый административный регион.

Регионализация - не результат чьих-то происков, попущений и упущений. Идет региональная фрагментация - процесс крайне болезненный, но совершенно спонтанный и объективный. В нем много смысла: такая или сякая приватизация реально идет только в рамках регионов, только там и происходит выявление и легализация прав собственности. На рынке всегда есть пострадавшие, но никогда не может быть персонально виноватых.

Горизонталь: регионы без центра

Между региональными субъектами налицо весь спектр отношений - союзы, коллизии и объединения;

блокады, конфликты и войны; торговля и натуральные обмены; даже взятие дани за пропуск грузов... Государства с такими отношениями частей в истории бывали не раз, да и русские княжества под Золотой Ордой были в таких же отношениях.

Структурно сходные и функционально тождественные административные регионы находятся в разных условиях и располагают специфическими ресурсами; отсюда и различие в их стратегиях. Одни по инерции лояльны центру, другие активно извлекают из новой ситуации выгоду. (Новой делают ситуацию не столько сами интересы регионов и отношения между ними, сколько открытый характер и размах того и другого). Правят бал регионы, обильные продовольствием и топливом; пытаются же нажиться на приватизации и распродаже формально общегосударственного Москва. Приграничные окраины добиваются статуса свободных экономических зон, чтобы легализовать самовластие или уйти в протектораты.

Регионы ранга области с дополняющими ресурсами объединяются, примером чему Западная Сибирь (нефть, газ, уголь, продовольствие). Особо богатые ресурсами части регионов стремятся вырваться и обособиться: всех манит образ маленького-богатенького Кувейта. Объединяются единицы и на основании общности положения, судьбы, врага и т.д. На Кавказе мы видим даже две противостоящие друг другу традиционные коалиции регионов, или контр-коалиции: казачью Южно-Русскую Республику и Горскую конфедерацию. Становление коалиций, макрорегионов - лишнее доказательство их самостоятельности -

макрорегионы формируются, вырастают снизу. (Особая сфера здесь - новые коммерческие структуры, упорно претендующие на оставляемые центральной властью роли межрегиональных посредников; например, вместо Госплана и Госснаба - биржи, занятые централизованным бартером).

Государственное пространство разламывается как плитка шоколада по намеченным, явным рубежам, - на те части, из которых и состояло наше общество-государство. Вот тут действительно иного дано не было. Наблюдаемые процессы - заключительный этап довольно длинной эволюции советского пространства, которое хотя и было когда-то задумано и создано искусственно, осуществилось и стало доминирующей реальностью. Составные части вырвались на свободу, и мы живем в пространстве бунта составных частей громадной империи - против ее целого.

Разумеется, происходит много другого. Сами единицы, регионы дробятся, наметилась регионализация регионов, что существенно -- не только этно-административных. Одновременно кое-где уже наметилась и межрегиональная консолидация, но у процесса нет единой скорости, и разные части российского пространства переживают разные этапы.

Намечаются и союзы регионов разных стран СНГ, своего рода международная региональная геополитика. Характерны конфликты регионов разных уровней, вложенных один в другой как матрешки. За право "решить судьбу" Южно-Курильских островов борются, например, три-четыре российских субъекта, и Япония считается с каждым из них. Это - Российская Федерация; Даль-

ний Восток, уже сегодня ставший чем-то вроде республики; Сахалинская область, административная часть которой - спорные острова и, наконец, сами острова.

Поиски смысла: испытание многогосударственностью?

Возможная только для центральной Российской власти ниша действий свободна. Правительство не проводит политики приближения устойчивого стояния, не стремится ввести процесс регионализации в устойчивое русло. Абсолютно не реализованы возможности проведения пространственной, но не региональной политики - от создания особых регионов исполнительной власти (независимых от административных единиц и не совпадающих с ними) -- до разработки функциональных механизмов посредничества в контактах и конфликтах регионов.

Отсутствие такой политики неслучайно: вряд ли какая-либо власть сможет стать честным судьей в игре регионов за политическое пространство бывшего централизованного государства. Сейчас власть де-факто сочетает попытки хаотических походов на отдельные регионы, общего подмораживания регионализации -- с уступками им фактически уже регионализированных полномочий и опорой на конкретные регионы, без союза с которыми невозможно единое военное пространство.

Российская власть - более удачливый нравопреемственник СССР, чем его правопреемник. Наверное, даже хорошо, что власть не в состоянии уловить логики регионализации и силы этого процесса, - иначе бы она расплылась дотла, пытаясь ему помешать. Но пока Россия помаленьку хлопочет о приобретении советского наследства, бесхозным становится Российское пространство.

* * *

Процесс региональной фрагментации - естественный и жесткий. Кроме причин и механизмов у него должен быть глубинный смысл. Ведь на административные ячейки распадается не Россия, но лишь однаименная административная единица бывшего СССР. Чем будет Рос-

сия, где она будет - независимо от оболочки государства, как оформится пространство Северной Евразии - всему этому еще предстоит решиться ... Кто знает, не есть ли регионализация - испытание России на пространственную идентичность. Испытание на многогосударственность?

РАСПАД ПРОСТРАНСТВА - ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Юрий Кобищанов

Линии разлома

За последние сто лет уже который раз - причем примерно с равными перерывами - происходит распад великих империй: Испанской, Китайской, Российской, Японской, Британской, Французской, Португальской и, наконец, Советской. Нынешний обвал распадов – самый грандиозный и притом – особенный: лопнули железные обручи, стягивавшие бывшие коммунистические государства. Речь идет о многонациональных государствах или о номинально самостоятельных государствах, входивших в коммунистические империи, в которых все нации стремятся к независимости. Как и в предыдущих случаях, борьба за политическую независимость сопровождается не только борьбой экономических интересов (дело, понятное всем), но и страстным устремлением народов к своим культурно-историческим корням.

Обращаясь к этому явлению, исследователи теряются в множестве

его аспектов, в противоречивости фактов. В самом деле, в Югославии сербы, хорваты, босняки и черногорцы говорят на одном и том же языке, в СНГ-СССР украинцы и белорусы очень близки русским по языку, культуре, причем зачастую они лучше говорят на русском, чем на своих языках ("искусственных", как верят многие русские интеллигенты, которые никак не могут усвоить, что украинцы и белорусы – это особые нации). То же самое – в Чехословакии (чешский и словацкий ближе друг к другу, чем даже русский и украинский).

Может быть, дело в религии? Это объяснение применимо к славянским народам Югославии, но не к СНГ и Чехословакии. В Югославии это вроде бы подходит к славянским народам, но в СНГ и в Чехословакии – к славянским же народам – не подходит. В России, Украине и Беларуси большинство верующих – православные христиане; в Чехии и Словакии – католики, а меньшинство – протестанты. Кстати, процент про-

тестантов в России и Украине (баптистов, адвентистов, пятидесятников, свидетелей Иеговы и др.) почти одинаково невелик. Украинские католики политически очень активны, но все же они составляют меньшинство нации. Различия в религиозной ситуации имеются, но они - не столько причина, сколько следствие принадлежности к той или иной цивилизации. Но пойдём дальше. Кавказ: грузины, большинство осетин и половина абхазцев - православные христиане. Армяне - почти все монофиситы, резко отличающиеся по религии от своих мусульманских соседей и до известной степени от православных-грузин и несториан-ассирийцев. Армяне называют азербайджанцев "турками" и считают их и турок одним народом, несущим общую ответственность за геноцид армян. И это - несмотря на "персидскую" веру (шиизм) азербайджанцев и на более теплое их отношение к шиитам-персам, чем к суннитам-туркам. Примеры можно умножать.

С другой стороны, восточные и центральные украинцы и даже лица смешанного русско-украинского происхождения, записанные в паспортах "русскими" (их на Украине около трех миллионов), не отмежевались от западных украинцев. Как на Украине, так и в Прибалтике русские и обрусевшие в большинстве своем не хотят бороться против независимости стран, где они живут, или уехать в Россию. А вот из кавказских стран (мусульманских и христианских) начался исход русских. Уезжают оттуда, конечно, да-

леко не все и не сразу, хотя никто вроде их не выгоняет...

Ясно, что мы имеем дело не с рядом фактов, а с системой факторов распада коммунистических многонациональных империй. Империи расплозаются по швам, точнее - по нациям, которые устремляются - с разной скоростью и с неодинаковым единодушием - туда, куда влечет их культурно-историческая ориентация. Последняя явно связана с принадлежностью к той или иной цивилизации.

Мир восточного христианства

СССР занимал уникальное географическое положение между Западной Европой, Балканами, Кавказом, исламским регионом, буддийской Центральной и Восточной Азией, наконец, Чукоткой - соседкой американской Аляски. В самой России живут карело-финны, кавказские греки и армяне; самые северные в мире мусульмане (тюменские и тобольские татары), самые западные (калмыки) и самые северные в мире буддисты (восточные буряты); единственные в Европе язычники (марийцы Башкортостана) и открытые лишь в 60-х годах за Колымой роды эвенков, ничего не знавшие о великой стране Советов...

Кроме наций, в сценариях распада участвуют этноконфессиональные группы, объединяющие единоверцев. Подавляющее большинство татар - мусульмане, но есть и христиане (кряшены). Удмурты в большинстве православные христиане (правда, мало приверженные церкви), но часть удмуртов (т.н. бесер-

мене) - мусульмане. (Кстати сказать, это единственная в мире угрофинская по языку группа, исповедующая ислам. И они требуют признать их особой народностью, а свой диалект - особым языком.) Среди грузин были мусульмане, католики, иудаисты. Но их осталось мало. Грузины, не принимая во внимание неправославные этноконфессиональные группы внутри своего народа (зато включая в него мегрелов и сванов), выступают как одна этноконфессиональная группа - Грузинская православная церковь. То же относится к армянам. Армянская Григорианская церковь претендует на представительство всей армянской нации.

Сходную ситуацию мы видим в православной Румынии и Молдове (хотя в Румынии есть и румыны-католики, а в Молдове много православных - немолдован) и в других балканских странах, в которых местные мусульмане либо подвергались гонениям и эмигрировали в Турцию (Болгария), либо превращаются в особую нацию (Босния). В Эфиопии местная православная (монофиситская) церковь отождествляет себя с господствующим амхарским народом. Если ты православный - будь амхарцем по языку и культуре, если ты мусульманин, иудей-фалаша и пр. - то какой же ты амхарец? Везде, даже в исконно православных Эритрее и Тиграй, в церкви, как и в государственных учреждениях, насаждался амхарский язык.

Не правда ли, знакомая картина? Русская православная церковь склонна отождествлять себя с рус-

ской нацией, хотя часть русских принадлежит к староверческим и протестантским церквям, не считая кришнаитов и прочих сектантов, а также неверующих, все же составляющих в России большинство. Русская православная церковь до недавних пор не хотела признавать существования украинской и белорусской наций, она изгоняла из церкви украинский, белорусский, молдавский, осетинский, греческий и другие языки верующих православных.

Во всем этом можно увидеть нечто общее для восточнохристианских цивилизаций - российской, балканской, грузинской, армянской, эфиопской. Во-первых, здесь заметно стремление доминирующей этноконфессиональной группы поглотить всю соответствующую народность или группу народностей и стать нацией. Во-вторых, эти цивилизации оказались благоприятной основой для строительства бюрократической империи. Не будем обсуждать слишком болезненный для многих вопрос, подготовило ли православие, а также монофиситство, в отличие от других направлений христианства (например, протестантизма), массовое сознание к принятию того, что несли народам коммунисты.

Отметим лишь два вроде бы не связанных между собой явления. Во-первых, возрождение монархических настроений в России, Грузии, Болгарии, Румынии, Эфиопии. Во-вторых, национализм восточнохристианских церквей. Я понимаю, что этот критерий весьма отно-

сителен. Католические церкви Польши, Венгрии, Украины, Литвы, лютеранские церкви Латвии и Эстонии, кальвинистская церковь Венгрии в каком-то смысле тоже националистичны. Но этот национализм все же не столь демонстративен и бесспорен, как национализм восточнохристианских церквей. Первый выступает как средство самосохранения, духовной борьбы за национальное существование в тисках империй, второй же переходит в великодержавный шовинизм (русский, сербский, румынский, грузинский, амхарский и т.д.). Этот шовинизм - наследие длительной изоляции, "варки в собственном соку". Он имеет древние корни в самой восточнохристианской цивилизации.

Одни корни уходят в глубочайшие, еще дохристианские пласты, другие - выросли и окрепли в период расцвета Византии. Но решающее значение имела изоляция восточных христиан от христианского Запада, когда они были включены в состав исламских империй (для России это была Золотая Орда, для балканских и кавказских стран - Османская держава, для восточного Кавказа - также Персия). В условиях длительной изоляции восточнохристианские цивилизации замкнулись в себе и вошли в своеобразную ассоциацию с великой цивилизацией ислама. В новое время (Россия - начиная с царствования Петра I), восточнохристианские страны начали постепенно, шаг за шагом интегрироваться с западной цивилизацией. Однако полностью прошла этот путь, может быть, лишь Гре-

ция. В других странах образовались двойственные структуры "петербургского" типа, европейские на поверхности, автохтонные в глубине. Эта двойственность придавала восточнохристианским цивилизациям замечательную яркость и плодотворность.

Ислам и славяно-тюркское единство

Коммунистические режимы подвергли все цивилизации глубочайшему разгрому, и теперь народы, пережившие эпоху тоталитаризма, мучительно пытаются их восстановить. Еще повсюду руины, но уже видны контуры будущего. Сравнительно быстро восстанавливаются цивилизации западная, исламская и восточноазиатские (Китай, Корея и Вьетнам), главным образом потому, что коммунистам удалось захватить лишь часть их территорий.

Интеллектуалы малых мусульманских стран СНГ понимают, насколько они нуждаются в помощи более мощных исламских стран в деле восстановления и развития своей цивилизации. Родственная помощь предполагает установление и взаимное признание родства по вере (исламизм, панисламизм), языку и национальной культуре (пантюркизм у тюркских народов, паниранизм у таджиков и осетин). В традиционном соперничестве между Турцией и Ираном первая имеет преимущество в установлении этно-языкового родства среди примерно двух десятков крупных тюркских народов СНГ - тогда как Иран, Пакистан, араб-

ские страны для них (да и то не для всех) лишь собраты по вере. (Не являются мусульманами тюркоязычные чуваша, гагаузы, тувинцы, якуты, горные алтайцы, хакасы и др.) Пантюркизм часто связывается с славизмом и противопоставляется исламизму. Советская власть боролась с обоими, но они ее пережили. Попробуйте попрекнуть среднеазиатов, татар или азербайджанцев "азиатчиной" - они вам живо укажут на арабские страны, Турцию, Иран. И они правы: исламская цивилизация, заимствуя технические идеи Запада, переживает новый расцвет и при этом не отказывается от своей сущности.

Но у пантюркизма появился, наряду с прежним протурецким, и неосоветский аспект. За пределами советской империи из тюркских народов обитают лишь турки-османы Турции, некоторые народы Ирана (в том числе большая часть азербайджанцев), уйгуры Западного Китая и осколки других этносов. Но все остальные (а это более тридцати народов) от якутов и долган Таймыра до гагаузов, караимов и крымчаков - это бывшие советские люди. Вот и родилась в ЦК-образных головах умная мысль - использовать пантюркизм (как прежде панславизм) для собирания бывших советских земель в новое славяно-тюркское евразийское Содружество (как синоним Союза). Навстречу этой встающей на Востоке заре повеяли веяния западной политики: использовать русских для удержания тюрко-мусульманских народов от возвраще-

ния их в лоно исламской цивилизации.

Забавно, что эта идея, отражающая страхи Вашингтона и Иерусалима, встречает полное одобрение не только среди номенклатурных интернационалистов, не только у "русскоязычных тюркологов" типа В.В.Жириновского, но и у значительной части русских почвенников, которые, несомненно, не отдадут себе отчета в возможных последствиях "евразийского" плана.

Есть на Западе и умы, которых возрожденная евразийская империя страшит не меньше, чем расширяющийся исламский блок. Они делают ставку на прозападное тюркское единство во главе с либеральной Турцией. Им очень импонируют либералы-антифундаменталисты Средней Азии и Азербайджана. Но... В отличие от процветающей Турции мусульманские страны СНГ переполнены маргинальными элементами. Пропась, отделяющая их от Европы и Восточной Азии, настолько широка и глубока, что вряд ли может быть преодолена в течение ближайшего столетия. Зато возрождение их собственной цивилизации неминуемо возвращает их к духовному объединению с южными соседями - исламскими государствами Среднего Востока.

Кстати сказать, и турецкое общество далеко не столь едино в своей западной ориентации, как это старается представить местная информационная и политическая элита. Несмотря на более чем семь десятилетий правления последователей Кемаля Ататюрка, в Турции существу-

ет наряду с лаицистско-националистическим массовое исламистское сознание (в частности, среди многомиллионного курдского народа на востоке и юго-востоке). Сохраняются среди турок и антихристианские, антизападные настроения, возрождается исламский фундаментализм. Может быть, турецкая прозападная элита, одновременно пантюркистская и антиисламистская, надеется укрепить свое положение не только в западном мире, но в собственной стране, опираясь на союз с тюрками-атеистами из бывших соцреспублик?

Украина и Беларусь: путь в Европу

Но славяно-тюркское единство неприемлемо и для большинства славянских народов. В Украине и Беларуси русские с удивлением видят, что славянофильство и панславизм не противопоставляются западничеству, а означают укрепление славянского единства в рамках Европейского сообщества (или в более узких рамках Восточноевропейского содружества).

Украинцы и белорусы, в общем, похожи на поляков, словаков, чехов по своему индивидуализму, отношению к собственности (которое так возмущало М.Горького и его челкашей), к ворам и легким деньгам. Конечно, многое изменилось под влиянием советской системы, но все же у украинцев и белорусов никогда не было ни русской деревенской общины, ни артели, а были только специфически общеевропейские формы общинной организации.

Дело в том, что Украина и Беларусь всю свою историю, кроме советского лихолетья, развивались как часть Европы. Киевская Русь была вполне европейским государством, затем наступил период Речи Посполитой, потом - сосуществование Речи Посполитой и украинской "козацкой республики", а позднее - Российской и Австрийской империй. Причем даже Россия так или иначе европеизировалась, а ее прибалтийско-польско-украинский запад не порывал с Европой.

Хотя козацкие традиции, а также православие делают Украину весьма своеобразной частью Европы, но все же это не христианский Восток. Ныне украинцы вслед за поляками, чехами, словаками, венграми, прибалтами повернулись лицом к Европе. Несмотря на изощренные провокации всевозможных "специстов" и злобные глупости собственных националистов, Украина не допустила ущемления в правах национальных меньшинств, в том числе сотен тысяч крымских татар и миллионов русских. Она, насколько это возможно, выполняет все экономические и финансовые обязательства, не выдвигает территориальных претензий к соседям, хотя со всех сторон окружена "потерянными провинциями", которые до сих пор населяют украинцы. Все это понятно: нация полна решимости "вернуться в Европу", а для этого надо вести себя по-европейски.

Выражением европеизма в религии стал широко распространенный на Украине и среди украинской диаспоры национальный экуменизм:

интеллектуалы, в том числе среди духовенства православной (Украинской автокефальной), униатской (Украинской католической) и протестантских церквей, стремятся к молитвенному согласию и последующему организационному объединению. В России же Русская православная церковь отвергает экуменизм как официальный продукт, навязанный ей в свое время ЦК КПСС и КГБ; становясь более независимой, она стремится стать все более самодовлеющей.

Балканский котел

С Европой никогда не порывали Словения и Хорватия. Словения, как и Словакия - нерешенная загадка для юристов-международников. В сущности, она никогда прежде не была независимым государством, некогда принадлежала Чехии, затем Австрии, после первой мировой войны - "Королевству сербов, хорватов и словенцев", Югославии. И в Австрии, и в Югославии это была самая бедная провинция, пока Тито не начал ее развивать. И тут проявился западнославянский характер словенцев, одновременно похожий и на словацкий, и на чешский. По вероисповеданию большинство словенцев - католики, меньшинство - протестанты (как чехи и словаки). Часть их живет в соседних Австрии и Италии, и это тоже влияет на западную ориентацию словенской нации.

Иначе сложилась судьба сербохорватских земель. Сербия, Босния и Хорватия имели собственных королей, затем Хорватия была поделена между Венгрией и Венецией, по-

том вошла в империю Габсбургов, тогда как Сербия и Босния много веков находились под турецким игом, а Черногория сохраняла независимость. В Боснии, как и повсюду в Османской империи, определяющей стала принадлежность не к народности, а к этноконфессиональной группе (здесь их было четыре: мусульмане, православные, католики и евреи). В XIX в. земли сербов были разделены между Австро-Венгрией, Турцией и Сербским королевством.

И хотя православные-сербы и говорившие на одном языке с ними католики Хорватии и Герцеговины, а также мусульмане Боснии и Герцеговины долгое время жили в пределах одних и тех же государств, они не слились в одну нацию. Напротив, этноконфессиональные группы преобразовались в нации сербов, хорватов и босняков-мусульман. Все они стремятся интегрироваться в Европейское сообщество, но отнюдь не с одинаковой решительностью и единодушием. Хорваты, не порывавшие с Западом, в этом наиболее последовательны. Они еще много десятилетий назад составляли основную массу югославских эмигрантов в Западную Европу, Северную и Южную Америку. Зато сербы, черногорцы и босняки, которые так "хотят в Европу", толкуют о желательности "особого пути развития". Не правда ли, очень похоже на Россию?

На Боснию очень похожа Албания, где мусульмане (их подавляющее большинство), католики, православные и протестанты тоже составляют этноконфессиональные группы, говорящие на одном и том

же языке. Но в Албании, а также в Косово и Метохии (Западной Македонии) эти группы интегрировались в одну албанскую нацию, которая, несмотря на возрождающийся ислам, стремится после долгой изоляции в Европу.

Сходная с Балканами ситуация и в Румынии (вместе с Молдовой): она также стремится в Европу, но насколько готова к этому - другой вопрос. По своему политическому поведению молдоване оказались гораздо более восточными христианами, чем единоверные им украинцы. И это - несмотря на романский язык, латинский алфавит и прочие атрибуты европеизма.

Путь России

Обратимся к России - крупнейшей после гибели Византии восточнохристианской цивилизации. Она образовалась на развалинах многих цивилизаций: Новгородско-Псковской Руси, Перми Великой, Югры, Золотой Орды, сибирской Кыргызии, Приамурья. Она заполнила их территории вместе с их населением. Затем не надо забывать об Астрахани, Оренбурге и Кяхте - трех воротах России в Азию, и, конечно, о влиянии Византии. Не меньшее значение имели связи со славянской Европой, Германией, Швецией, Фран-

цией. Если в XVI-XVII вв. Россия сложилась в особую цивилизацию, то, начиная с эпохи Петра I, она развивалась в ассоциации с Европой. Большевики сначала расправились с европейски образованными людьми и с духовенством, православным и староверческим, затем было уничтожено крестьянство и ремесленничество. Корни российской цивилизации были подрублены, почва отравлена. Информация, мощным потоком идущая с Запада, все больше определяет массовое сознание русского народа. Освобождение от имперского бремени, превращение России в национальное государство дает ей шанс спасти остатки своей самобытной цивилизации от окончательного разрушения. Но ей трудно конкурировать с такой мощной цивилизацией как западная. По-видимому, сохранение и возрождение русской деревенской и старой городской культуры - все же дело не безнадежное и, во всяком случае, не бесплодное. Но осуществлять это надо не в противостоянии западной цивилизации или цивилизации ислама, а в сотрудничестве с ними, равно как и с той национальной интеллигенцией малых народов - от велсов до чукчей - которая трудится над сохранением и возрождением их древних культур.

ВЕЛИКА ФЕДОРА ИЛИ "SMALL IS BEAUTIFUL!"

Аркадий Черкасов

"Великий народ", "великий язык", "великая страна", "великий могучий Советский Союз"... - десятилетиями начальство вбивает нам в головы, что великий, большой значит "хороший". Язвительные англосаксы давно подметили эту евразийскую страсть к самовеличанию, освоили у себя в прессе русские словечки "слава" и "великий" без перевода и даже назвали одну из экзотических подделок "Великий Водка". Сами же они считают, что наоборот, - small is beautiful!

"Маленькое - прекрасно" - расхожая поговорка и на впрямь небольших Британских островах, и в большой Австралии, и в огромных Североамериканских Штатах, и в необъятной, омываемой тремя океанами Канаде... Стоп! Вот он, "совок", лезет из автора статьи: захотел выразить теплое отношение к дорогой его сердцу Канаде (изучаю ее 25 лет) и тут же пошло-поехало: "необъятная" да "три океана"...

Канаду любить в "застойные годы" разрешалось - естественно, с оговорками насчет несправильного общественного строя - потому что она была как бы противовесом и даже где-то соперником "нашего потенциального противника" США, "неамериканской Америкой", "Аме-

рикой без ядерной бомбы". Может, не все это знают, но Канада последние лет 30 играла в НАТО роль очевидного "голубя", по доле военных расходов в своем ВВП занимала в этой организации предпоследнее (перед Люксембургом!) место, торговала и почти дружила с Кубой, короче - "боролась за свою национальную самобытность, экономическую и политическую независимость перед лицом "подавляющего присутствия" США" (цитирую собственную книгу).

Причина этого в том, что за первую половину нынешнего века канадцы фактически "продали на корню" американцам свои природные ресурсы, которые сами освоить не могли, - по тогдашней бедности, ма-

лолюдности и отсутствию собственных достаточно богатых предпринимателей. Когда же воротили американского бизнеса вложили свои миллиарды в освоение канадской нефти, леса, железной и других руд, построили заводов - филиалов своих компаний (заметьте - канадцы не стремились, да и не очень-то могли покупать у американцев готовые товары, зато на выгодных условиях приглашали их производить что угодно на канадской земле, руками "эксплуатируемых" канадских рабочих) - уровень технологии, душевного производства и, следовательно, уровень жизни в Канаде поднялся до американского, вызрела и окрепла собственная буржуазия. И вот, годов с 60-х, сама национальная буржуазия, вкупе с послушными ей, как положено, правительствами, прессой и общественным мнением, начала крестовый поход против "американских монополий" за свою долю пирога, под лозунгом "Выкупим Канаду обратно".

Теперь канадский капитал может разговаривать с американским на равных, и с 1989 г. действует канадо-американское соглашение о свободной торговле, благословляющее потоки товаров и капитала в обе стороны. А в те годы, совпавшие с нашими "застойными", канадский национализм (вернее сказать - патриотизм, но там таких красивых слов не любят) имел отчетливую антиамериканскую окраску. И хвалить Канаду - значило как бы ругать США, почему и наши зоркие цензоры в определенной мере позволяли

это нашему брату - "советскому исследователю".

Кстати, я Канаду и канадцев действительно люблю и могу долго рассказывать за что. Что всегда и делал, в том числе и в Канаде.

Но вот что интересно: как дойдешь до восхищения размерами Канады (привычное для "совка" чувство - сколько лет наше начальство добивалось, чтобы мы разделяли его восторги по тому поводу, что оно правит "одной шестой частью земной суши") и как скажешь канадцам, что, мол, вот здорово: наша страна самая большая в мире, а ваша - вторая по размерам, больше Штатов - так тут же наталкиваешься на непонимание (в чем тут радость), а то и на полное невежество: "Да ну, неужели? Мы больше Штатов? И даже с Аляской?" - "Да, и с Аляской! Поздравляю!"

Никакого энтузиазма в ответ: "Надо же, какая Канада большая, сколько еще дорог строить в тундре. Но ничего, зато наш район Шарлебуа (или графство Симко, или остров Ванкувер...) маленький и красивый, хорошо обустроенный". И прощаются обычно "на уровне провинции": "Приезжайте еще к нам в Квебек (или "в Манитобу", или "в Британскую Колумбию..."). Каждая из десяти канадских провинций имеет, между прочим, свой парламент, правительство во главе с премьером, своих министров, свои законы и свой патриотизм: "Я - альбертец. Альберта - в Канаде. Канада - в Содружестве (во главе с британской королевой). Содружество - в нашем большом и взаимозависимом мире". Вот так, и никаких "одних шестых"!

* * *

Я сначала думал, это - осколки "европейского" менталитета, сохранившиеся в Канаде - на американской земле. Ведь, говорят, в Швейцарии, например, школьников сызмальства приучают гордиться именно тем, что страна их маленькая и обделенная природными ресурсами и что все здесь - богатство, независимость, культура - создано только упорным трудом, умными головами и умелыми руками предшествующих поколений ("я вырасту и от себя еще добавлю"). Но нет, не только принципиально "европействующая" (в пику американцам) Канада сохранила такой подход. Побывав, наконец, в США, я увидел, что и американцы в большинстве мыслят свою жизнь "в масштабах своего штата". (При том, что национальный звездно-полосатый флаг развевается чуть ли не над каждым домом.)

Совкоидное выражение "огромные Североамериканские Штаты", что я употребил в первом абзаце, на их язык вообще перевести нельзя. Страна огромная - да, но ее название - во множественном числе и самовосприятие - тоже: какие же Штаты "огромные", если их пятьдесят штук и каждый в своем роде - "смог энд бьютифул". Кстати, свой адрес американец, как и канадец, начинает писать с наиболее важного - да, именно дома и улицы, потом идет город, потом штат. Название страны в конце он может вообще забыть - и я такие письма получал.

Один американский штат, впрочем, действительно огромен - это Аляска. Нашелся у Российской империи, наконец, мудрый правитель - Александр II Освободитель, который

понял, что империя вот-вот подавится своими огромными размерами, - и продал Аляску тем, кому та была ближе и нужнее. До тех пор ведь все правители империи веками проводили унаследованную от Чингисхана политику, о которой Ключевский сказал: "Государство пухло, а народ хирел". А русский мужик добавил половицей: "Велика Федора, да дура".

Александра II Освободителя, пытавшегося дать свободу крестьянам и конституцию всем обывателям империи, в конце концов убили, расчленив путь для его неудачного сына-патриота (это Александр III придумал бросать ломтик лимона в стакан с коньяком для маскировки под чай - сочетание, неведомое в других странах поныне). А американского госсекретаря, санкционировавшего покупку Аляски, еще долго тягали к ответу американские же патриоты - за разбазаривание национальных средств на приобретенный "ящик со льдом".

И уж, конечно, никогда, со времен англо-американской войны 1812-1814 годов, американцы не претендовали на присоединение к Штатам единокровной, единоверной и очень богатой нужными ресурсами соседней Канады. Почему? Вместе получилась бы еще "одна шестая часть суши", но зачем? Лес, нефть, газ, руды и металлы можно там и так купить, автомобильные и другие заводы там можно и так построить, на рыбалку туда можно и так поехать - между двумя "братскими странами" самая длинная неохраняемая граница в мире. А миллионы "англоязычных", многие из которых - потомки выходцев из США, приезжая из разбогатевшей Канады в отпуск во Флориду (или еще какой "маленький и прекрасный" штат),

непрочь и щегольнуть знанием французского и своей "почти европейской" культурой ("Монреаль - второй Париж"). А канадские "гривны" обмениваются на американские "рубли" в любой момент на любом углу и в любом количестве...

* * *

Из всего там увиденного и здесь рассказанного хотелось бы сделать, как минимум, три - может, для кого и неожиданных вывода.

Хоть и поется в песне, что Канада похожа на Россию (а это так), наш уровень жизни ничуть не приблизится к канадскому, и наша страна сохранит свою "особенную статью" (вызывающую у остального мира смесь страха, отвращения и сочувствия) до тех пор, пока наши богатства надежно стерегут четыре огромных флота, ядерный щит Родины и куча нелепых законов, суть которых сводится к извечному "не пуцать!"

Что до Аляски, то еще раз низкий поклон Александру II Освободителю: сколько же тысяч километров колючей проволоки и тонн высококачественной бумаги (на талоны для ее нынешнего полумиллионного населения) он помог нам сэкономить! А если без шуток - то и сколько человеческих жизней! Ведь до Аляски не дотянулись руки душегубов из Дальстроя, там никогда не было концлагерей - в отличие от никому не проданной Чукотки и Колымского края.

Что же касается Флориды, то и там американцу ли, канадцу ли - хоть татарину можно селиться где хочешь и где угодно купаться, чего нельзя сказать о столь же "исконном" Крыме. Зато в Крыму еще в 1977 году - задолго до "перестройки"

- во всех чебуречных для "населения" под рекламными щитами с надписью "Смачні чебурски та шашлики готують на Ай-Петрі" - продавалась одна лишь жареная тихоокеанская мойва. Так вот: очень хочется летом поехать в Крым - не на Великую Украину и не в Великую Россию - а просто в теплый, ласковый, хмельной, изобильный, маленький и прекрасный Крым.

И целый месяц не думать о великом... А уезжая домой - воскликнуть: "Смол из бьютифул!" Спасибо! Дякую! Рахмат!"

Поклонникам же Федоры - напоследок немного статистики.

На долю Российской Федерации теперь приходится одна восьмая всей земной суши. Это сумма состоит из "исконных земель" шести десятков проживающих здесь народов, каждый из которых живет на этой земле более тысячи лет, и еще нескольких десятков появившихся здесь позднее - всего более ста.

Самыми великими народами из этой сотни, несомненно, следует признать следующие десять: чукчей, коряков, якутов, эвенков, бурятов, долган, ненцев, коми, ханты и манси. Их официально признанные исконные земли составляют ровно половину территории великой страны. Другую половину составляют исторические родины полусотни других народов, и один из них мой - русский. Наша Родина - "светло светлая и украсно украшенная Русская земля", о которой говорил летописец, - не так уж велика. Давайте ее и украсим - вновь, и начнем каждый со своей улицы. А вот когда наша Русь станет краше Швейцарии - поможем украшать и обустраивать другие земли. Но только потом...

ЕВРЕЙСКИЕ МОТИВЫ

Опять о евреях? А ведь сколько в одной только нашей стране других народов - униженных, растоптанных, изгнанных, ограбленных, обескультуренных, почти уничтоженных, наконец!

Все это так, но в запутанном клубке национальных проблем еврейский вопрос занимает особое место, и не нужно стыдливых недомолвок. Неподсудная людям история распорядилась так, что Израиль (не сионистское государство в Палестине, а Народ Божий) стал своего рода "осью мировой истории" (о. Сергей Булгаков), "зернышком мира" (Вас. Розанов).

Триумф духа, даровавшего миру идею Единого Бога, и трагедия геноцида, нестигаемая жизнестойкость, отравленная непреодолимой и, увы, часто небезосновательной любовью иноплеменников, - эта ноша лежит на плечах маленького, живущего в рассеянии народа, пережившего Рим и Византию и сейчас вместе с нами переживающего падение Третьего Рима...

Еврейство - это пробный камень, на котором испытывается благополучие государства. Отношение к евреям демонстрирует уровень и качество национального самосознания других народов, демократизм социальных институтов, крепость народной нравственности.

Но восприятие евреев только в качестве объекта Истории - распространенное заблуждение, разделяемое, кстати, и большинством самих евреев.

Обычно советский еврей воспринимает себя как частицу советского ("эсэнгэшного") народа и вспоминает, что он еврей, когда ему напоминают об этом антисемиты. Его еврейство страдательно: оно включает в себя чинимые антисемитами обиды и компенсационный героический миф о доблестном еврейском государстве Израиль, но не включает ощущение коллективной ответственности, вины, например, за евреев из НКВД. Еврей послевоенной эпохи

привык к тому, что его воспринимают как жертву. А со словом "жертва" обычно ассоциируется определение "невинная". Увы, такая индульгенция практически исключает национальную рефлексию и никак не благоприятствует нормальному духовному самочувствию евреев.

Западные феминистки считают себя оскорбленными, если мужчины уступают им дорогу: они усматривают в этом снисходительное к себе отношение. Можно ли считать вполне уважительным отношением к евреям отказ от любой их критики?

Между тем, простая смена знака перед скобками официальной идеологии практически вывела государство Израиль, сионистское движение и другие формы еврейской социальности из-под критики российского либерально-интеллигентского сознания, оставив еврейскую тему на откуп комплиментарно-апологетической юдофилии "интеллей" или жлобской юдофобии люмпенов и химерическим мифам интеллектуалов-почвенников. То ли вариант комплекса вины за государственный антисемитизм последних десятилетий, то ли автоматическая солидарность со всеми, кого унижало враждебное советское государство, а может и просто самоотожествление либеральной интеллигенции со сверхчувствительным к еврейской теме Западом, но как бы то ни было, нам не известно ни одного трезвого и критического русского анализа еврейской проблематики.

Правда, как показывает Соня Марголина в публикуемой "Веком XX" статье (перепечатка из журнала "Страна и мир", N3/91), подобная же неприкасаемость еврейской темы как проблемы характерна и для немецкого общества, включая его интеллектуалов. В любом случае, официально-кастовая юдофилия либеральной интеллигенции везде служит дурную службу и евреям, лишая их внимательно-беспощадного критического взгляда на их проблемы со стороны, и самой интеллигенции, которая лишается шанса понять нечто очень важное в самой себе и своей судьбе.

Л. С., А. Ф.

ЛИЦО НЕКОРЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Григорий Шурмак

Мужчины из моего рода участвовали во всех войнах России, которые она вела за последние полтора столетия. С детства думающий на русском языке, я считал себя русским. Мои еврейские отец и мать, как и миллионы бедняков, русских, украинцев, поставленные в условия ежедневной битвы за кусок хлеба, опустились до безнациональной жизни. И лишь на Пасху - отголоском чего-то большего, чем традиция, - вдруг появлялась в доме маца. А у соседа по коммуналке две недели спустя - кулич и крашеные яйца...

Анкеты, однако, заполняемые уже в первом классе, напомнили: ты - еврей. Вскоре мне об этом напомнили и фашисты.

Потом в течение всей жизни напоминали везде и всюду, вплоть до райбиблиотеки, где и по сей день в формуляре требуют указать национальность... Но в глубине души я все равно считал себя сыном России и гордился этим. Поскольку же любовь к Отечеству по моему разумению была равнозначна любви к истине, пришлось хлебнуть лиха. В 1940-м на городском слете юнкором я прилюдно усомнился в разумности

обычая шить знатым колхозникам в столичном ателье модные костюмы, чтобы те предстали в них перед вождем народов. На бюро райкома комсомола, где у меня отбирали членский билет, секретарь поинтересовался, кто мои друзья. И неожиданно я сделал открытие: все - евреи.

Да - евреи! Но мы пили из пушкинского родника, глядели в божье небо над русской равниной. Беды русских горожан и крестьян были нашими бедами. Мы варились в самом котле жизни восточноевропейского славянства и просто не могли не быть русскими евреями. В войну мы стали русскими солдатами.

Вернувшись в 1945-м из госпиталя домой, я впервые столкнулся с государственным антисемитизмом. Мой сосед по двору Юрка Лерман, капитан-артиллерист, кавалер пяти орденов, раненый в голову, упорно добивался в приемной комиссии разъяснения, почему он не может быть принят в Институт международных отношений. Из уважения к заслугам фронтовика ректор университета показал секретный приказ наркоминдела Молотова: наби-

рать в студенты данного вуза "лиц коренной национальности".

Лично мне это не показалось несправедливым. Забота о национальных кадрах вполне оправдана. Тем более, что в двадцатые годы евреи занимали ключевые посты во многих государственных структурах, и надо было платить по старым долгам.

Я решил впредь жить так, чтобы не давать повода для недовольства евреями. Я хотел личным примером опровергнуть домыслы, распространяемые про нашего брата. Карьеристы рвались в партию? Значит, мне туда путь заказан. Люди стремятся осесть в городах, и чем город крупнее, тем предпочтительнее? Значит, надо пренебречь столичной пропиской. И целых семнадцать лет я преподавал на шахтах Донбасса.

Попытка Сталина окончательно решить еврейский вопрос оборвалась со смертью диктатора. Но государственный антисемитизм по-прежнему давал о себе знать. Например, выступая в Казахстане, Хрущев в числе национальностей, чьи представители покоряли целину, упомянул и евреев. На следующее утро мы жадно раскрыли свежие газеты в надежде воочию убедиться, что наконец приняты в лоно великого советского народа. Увы! Одиозное слово, услышанное накануне вечером по радио из уст Первого секретаря, не попало в печатный текст доклада. Сработала цензура ЦК КПСС...

Власти развязали беспрецедентную кампанию по демонизации образа Израиля. Изо дня в день печать, радио и телевидение предлагали нам карикатуры, изображавшие крючконосого сиониста, маленького

злобного подпевалу дяди Сэма, с кривым ножом, над трупом арабского ребенка. Упорно замалчивались убийства палестинскими террористами израильских женщин и детей, а ответные меры еврейского государства изображались как якобы ничем не спровоцированные.

В 1967 году быстрый разгром арабских армий в ходе "шестидневной войны" поверг мир в изумление: крохотная страна отстояла свою свободу и независимость. Для русского народа наступила пора открытий. Вдруг выяснилось, что еврейское государство - динамичное, демократическое, с устойчивой экономикой; что его армия - это все, кто способен владеть оружием, включая женщин; что в любом киббуце (коммуне) больше социализма, чем во всем нашем колхозном строе; что израильцы вообще преуспели в земледелии...

Мои соотечественники-евреи возликовали. Даже те, кто, вступив в смешанные браки, получили возможность записать своих детей в разряд "расово полноценных", осознали кровную связь с Израилем. Долгое время наши просьбы сводились к отмене "пятого пункта", то есть к созданию условий для ассимиляции, чтобы хоть ценой национального самоуничтожения обрести социальное равноправие. Но нам надоело быть "полезными евреями". Началась Алия.

Понадобились, однако, голодовки и демонстрации отказников, большие сроки по сфабрикованным делам преподавателям иврита, активистам Алии и, наконец, отчаянное "самолетное дело", чтобы со скрипом приоткрылись двери для желающих эмигрировать.

Возникла атмосфера праздника, ажиотажа. Еще бы! Империя разгерметизировалась. Вошли в моду "сврейки как средство передвижения": срочно заключались браки со славянами, на предмет выезда последних...

Но и в этой обстановке подавляющее большинство евреев, как и прежде, не мыслило себя вне России. Вне Украины. Вне Белоруссии. И остается непреложным факт: лишь малая толика эмигрантов направлялась в Израиль, чтобы обрести там Отечество, тем самым опять-таки подтверждая очевидную истину: не от России, не от Родины уезжали, а от режима. (Ну, а те, кто стали новоселами в Палестине? О них, тогда немногочисленных, я думаю с глубоким уважением. И об их родителях, сумевших сберечь в себе и передать детям дух Торы.)

Мне нравится Израиль. Его основали выходцы из России. И я хотел бы время от времени там бывать. Но непременно возвращаться. Домой. Ибо я прежде всего принадлежу России.

По установившейся традиции юноши и девушки из ФРГ приезжают в киббуцы жить, работать, общаться с израильтянами, чьи деды в тридцатые годы бежали с берегов Рейна... Верю, наступит пора, и русская молодежь - среди них, возможно, те, кого сейчас хватает лишь на подсчет евреев-чекистов в органах ГПУ-НКВД, отправится в Израиль. Не только паломниками в Святую землю, но и в основанную сионистами страну, у которой есть чему поучиться и с которой стоит сотрудничать.

ГЕРМАНИЯ И ЕВРЕИ: ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Соня Марголина
(Берлин)

В фильме Маргариты фон Тротта "Свинцовое время" есть следующий эпизод: две сестры примерно четырнадцать лет смотрят на уроке истории фильм-хронику о немецких лагерях уничтожения. Перед их глазами проходят свидетельства ужасаю-

щей жестокости: голые скелеты трясутся на нарах, люди-трупы бродят по зоне - они свободны, но у них уже нет сил уйти. Они протягивают руки, открывают беззубые рты, сосут горбушки, которые им подарили солдаты, они не замечают валяю-

щихся под ногами трупов. Вот трупы сносят в братскую могилу, откуда-то появляются ксендз и певчие в белых балахончиках. Они поют. Девочки вскакивают и бегут в уборную; одну из них начинает тошнить. Эту девочку зовут Ульрика Майнхоф.

В 1973 году эта знаменитая немецкая террористка покончит с собой в тюрьме. Познание ужаса вылилось экзистенциальной тошнотой. Выводы, сделанные девушкой в момент ее созревания, привели ее к внутреннему оправданию права на убийство. Эпизод в уборной - художественная метафора внутреннего очищения западногерманского поколения 60-х годов. То, что некоторых это очищение привело в тюрьму, не меняет основного: в немецком обществе была глубоко осознана и пережита трагедия нацизма. Конечно, она переживалась по-разному. Для одних это был конфликт поколений: дети порывали с поколением отцов, дети уходили из семей, они не могли простить отцам пусть даже пассивного, но все же соучастия в преступном режиме. Для других конфликт поколений стал и конфликтом с системой, которую они воспринимали как наследницу нацизма. Центральным пунктом в отношении к прошлому своей страны стало для поколения 60-х годов уничтожение евреев.

Немцы, конечно, не все, а наиболее чувствительная, кстати, не обязательно наиболее образованная часть населения, ужаснулась тому, что они немцы. Они испугались самих себя. Без этого факта, пожалуй, не понять ни сегодняшней политики по отношению к Израилю, ни отношения к евреям вообще. Из этого ужаса выросло глубокое раскаяние,

потребность загладить вину, желание доказать другим странам и самим себе, что немцы способны построить демократическое гражданское общество. С другой стороны, возникла особая чувствительность по отношению к еврейскому вопросу. Появился своего рода самоцензура и цензура прогрессивной общественности. Как-то само собой получилось, что всерьез и критически о евреях писать немцам не положено, на это имеют право только евреи. Острые и пограничные темы табуировались: к ним всегда легко было приклеить ярлык "антисемитизма", как это случилось с известным историком Эрнстом Нольте.

Те, кто остался в живых, получили компенсацию. Тех, кто вышел пеплом из жаровен крематориев, не воскресить. Сегодня в Западной Германии живет 30 000 евреев, до войны их было в десять раз больше. Это оставшиеся в живых или вернувшиеся из эмиграции немецкие евреи, те, кто в качестве перемещенных лиц оказался здесь после войны, в основном польские евреи, и приехавшие за последние 15 лет эмигранты из России. На вопрос, как же живут теперь евреи в Германии, уже ответил один остроумец, написав в левой берлинской газете статью "Как живут немецкие евреи?". Хорошо живут. Они пользуются всеми преимуществами, которые им полагаются как родственникам или потомкам жертв, они могут вести свою автономную еврейскую жизнь и даже влиять на правительство в смысле получения различных льгот.

Но сегодня евреи, конечно, не играют никакой роли ни в немецкой экономике, ни в немецкой культуре. С еврейским капиталом совсем пло-

хо, и даже отъявленным антисемитам уже мало чем есть поживиться. Несколько литераторов тоже погоды не делают, особенно если сравнить с блеском 20-х годов. Хотя, может, оно и к лучшему. Во всяком случае, тот особый мир, то своеобразие, которые отличали еврейскую диаспору в Средней Европе, ушли навсегда и восстановить его вряд ли возможно, даже если ввезти в Германию, как предлагают некоторые ярые юдофилы, столько же евреев, сколько их жило здесь до войны.

Сказанное не означает, естественно, что в Германии нет никаких проблем. Просто они существуют в другой плоскости. Одна из них связана с недавним объединением. Бывшая ГДР провозглашала себя антифашистским государством, но это официально, на уровне пропаганды. На самом деле неправовое государство не может быть антифашистским: положение личности там было таково, что оно исключало возможность самостоятельного анализа истории и выработки автономного сознания.

Вообще, правящие структуры в ГДР все время делали вид, что они никакого отношения к предшествующей истории не имеют, что нацисты - это какая-то особая нация, случайно говорившая на немецком языке. Результат приходится расхлебывать Западу: в массовом восточногерманском сознании фашистские стереотипы срослись с социалистическими. Как выражаются некоторые советские граждане, знакомые с этим явлением не понаслышке: "Они все коричнево-красные". Все - не все, но отчетливая струя коричневого яда дает себя знать: убийство африканца в Лейпциге, бесчин-

ства неонаци во Франкфурте-на-Одере, многообразные, хотя и многочисленные фашистские группировки, откровенно наследующие Гитлеру, - все это не может не настаивать.

Несомненно, их болезненная картина мира питается укоренившимися в массовом сознании со времен Третьего рейха расовыми стереотипами, еврей, которого они по молодости в глаза не видели, - их главный враг. Во всяком случае, не позавидуешь тем советским евреям, которые, оставляя Советский Союз и думая, что хуже его зверя нет, окажутся в каком-нибудь восточногерманском городишке. Да и на юге Германии есть признаки активизирующегося нацизма. Следует подчеркнуть, что эти группы пока не имеют какого-либо серьезного политического значения, у них нет финансовой поддержки. В сущности, они, как и хаоты, - противники "Великой Германии" и представители постмодерного дегенеративного коммунизма, скорее симптом общественных напряжений, чем новая сила. В чем-то они даже выполняют полезную роль, держа демократическую общественность в состоянии бодрствования: было бы хуже, если бы эта неаппетитная каша варилась в подполье и потом залила бы все кругом, как в известной немецкой сказке.

В сущности, дальнейшее развитие националистических тенденций зависит от того, сможет ли Германия справиться с кризисом на Востоке, произойдет ли скачок к благополучию в ближайшее время или бывшая ГДР останется чем-то вроде итальянского Юга. К сожалению, многие немецкие, да и европейские добро-

детели являются в большей степени следствием, чем причиной богатства: всякое ухудшение состояния экономики, рост безработицы и т.п. тут же приводит к росту агрессивности, антисемитизма и враждебности к иностранцам. Эта динамика не оставляет надежды на то, что в случае серьезных социальных потрясений евреи останутся в стороне.

Одной из серьезных духовных опасностей представляется создавшаяся в результате немецкого покаяния атмосфера искусственной юдофилии, поддерживаемая средствами массовой информации. В любом обществе с рыночной экономикой интересы устремляются туда, где пахнет выгодой. Еврейская тема в любом виде - идет ли речь об антисемитизме в СССР или о нацистских преследованиях - имеет хорошую конъюнктуру, с нее всегда можно получить, грубо говоря, навар. Это привело к тому, что в Германии образовалась прослойка интеллектуалов, живущих за счет эксплуатации еврейской темы. Иными словами, быть свреем нередко означает профессию, а положение юдофила предполлагает безбедное существование.

В самом факте повышенного интереса к еврейской тематике нет ничего дурного. Вопрос в глубине постановки вопросов и уровне их разрешения. Немецкий рынок сегодня наводнен бездарными книгами и фильмами о судьбах евреев, на экранах страдают бесчисленные копии Анны Франк. Вся эта продукция вообще не могла бы появиться на свет, не будь она посвящена еврейской тематике. Китч девальвирует трагедию, превращает ее в душещипательный водевиль. Дешевка отталкивает молодежь от осмысления со-

бытий, происшедших 50 лет назад. Но как ни стараются производители малохудожественной продукции, интенсивность переживания еврейской проблемы ослабевает.

Проблема в том, что историзация Освенцима, хотя бы этого хранители немецкой национальной нравственности или нет, уже происходит. Одни историки и журналисты доказывают, что Освенцим - это уникальное событие в истории человечества, а другие считают, что ничего особенного, не страшнее ГУЛАГа, и что ГУЛАГ был даже первее Освенцима. То есть одни хотят национал-социализм релятивировать, включить его в ряд исторических событий XX века как чудовищное, но далеко не единственное из катастрофических последствий модернизации. Другие представляют точку зрения морального суда над историей: до конца времен Освенцим должен оставаться образцом адской лаборатории, и нация, его выдумавшая, должна вечно каяться.

Между тем, независимо от желания тех и других, релятивизация происходит, и вне человеческих возможностей ее остановить. Причина всякой релятивизации лежит в неумолимом ходе времени, в самом факте исчезновения свидетелей событий, наступлении новых исторических реалий, в том хроноциде, благодаря которому только и возможно настоящее. Попытка заставить переживать Освенцим так, как будто он был вчера, обречена на неудачу. Это возможно только одним способом, а именно: остановкой времени. Механизм для остановки времени испокон веков всегда один и тот же: миф.

Мифологизация Голокауста, вынесение его из ряда исторических событий, обоснование с его помощью политических интересов в наиболее чистом виде проявляются в Израиле. Поскольку одной из причин создания Израиля была катастрофа европейского еврейства, поскольку его создавали обломки потрясенного народа, абсолютизация имела право на существование. Дело лишь в том, что сегодня "моральный капитал" Освенцима, как выразился Александр Воронель, уже растрачен, и игнорирование этого факта может стать опасным для самого существования евреев.

В некоторой степени сказанное выше относится и ко всем остальным в диаспоре, в особенности к советским евреям. Этой опасностью пренебрегают и те евреи и юдофилы, которые инструментализируют Освенцим, эксплуатируют чувство немецкой вины в собственных, как правило, недалекновидных интересах, совершенно упуская из виду общие политические тенденции и не думая о конечных результатах. Вообще в юдофильстве, как явлении, есть все же что-то от провокаторства. Недаром Максим Горький, сам большой юдофил, сообщал о провокационных попытках большевиков устроить евреев на самых видных местах, чтобы в случае народного возмущения их подставить. О том же самом писали и авторы сборника "Россия и евреи" (Берлин, 1924 г.), который необходимо осмыслить каждому еврею как интеллигенту, - "Вехи".

Немецкая общественность, управляемая немецкими юдофилами и находящимися под их влиянием средствами массовой информации,

создает картину ужасающего преследования советских евреев в СССР. Делается это для того, чтобы оказать давление на правительство в целях приема как можно большего числа евреев, практически без ограничений.

Парадокс ситуации заключается в том, что ни тех преследований нет, ни особого желания немецкого общества, исключая высшую западногерманскую элиту, приютить такое количество евреев не наблюдается. Возникает удивительно бестактная, что не редкость в еврейских делах, ситуация: евреи, прослышавшие, что Германия принимает, ринулись в "Европу", побросав свои израильские визы. Среди прибывших не меньше 30-40% неевреев, людей, подделавших бумаги, и тому подобное. Многие из них, имея еще советские паспорта, умудряются ездить в Союз в гости и совершать то, чем сейчас занимается вся страна, а именно, спекулировать.

Между тем множество голодных, оборванных, нередко пытаных иностранцев, как правило, цветных, настоящих беженцев, которых на родине ожидает смерть, возвращают обратно. Проблема вовсе не в морали, как может показаться на первый взгляд, мораль - дело индивидуальное. Проблема в невольном вовлечении евреев в дело расовой дискриминации, с одной стороны, и в получении ими определенных привилегий от немецкого правительства, на которые другие права не имеют, - с другой. Здесь создается типичный комплекс еврейской исключительности, всегда представлявший для евреев сугубую опасность, о чем приехавшие, возможно, и понятия не имеют. Ответственность лежит

именно на тех немецких почитателях евреев, которые формируют общественное мнение и думают, что убиенных можно механически заменить эквивалентной человекоединицей.

Вообще слово "ответственность" становится ключевым понятием нашей эпохи кануна конца тысячелетия. Для евреев же это вопрос выживания. В силу исторических обстоятельств евреи привыкли считать, что они всегда являются объектом злой воли и что от них ничего не зависит, или, как выразился Биркерман, один из авторов упомянутого выше сборника, из вечной своей гонимости выводить свою вечную невинность. Это типичное патерналистское сознание, опасный инфантилизм, который должен быть пересмотрен как каждым евреем, так и всем сообществом.

Евреи всегда были маленьким народом, но их роль в истории, в частности, в европейской истории не менее значительна, чем роль больших наций. Из понимания значительности своей роли следует понимание ответственности. Однако европейские евреи не признают себя евреями, считая, что к еврейству

они понуждены антисемитизмом. Возникает противоречие: еврей становится евреем лишь тогда, когда ему грозит опасность. Так было в революции: за нееврея Троцкого ответили евреи Бронштейны. И сегодня сохраняется та же схема. Мир принуждает еврея осознать, что он еврей и что действия его, страшно сказать, единокровцев имеют к нему некое отношение.

Даже если это следствие антисемитизма, в практической жизни нет смысла на этом основании отказываться судить свои поступки. Антисемитизм существует со времен античности и никуда не денется. В известном смысле евреям, независимо от их желания или нежелания признавать себя евреями, необходима некоторая аскеза, воздержание от спонтанных и стадных действий. Сегодня, как никогда, евреи должны объединиться не для того, чтобы бежать, а чтобы понять свою историю и извлечь из нее уроки. Точнее, извлечь уроки из опасного неизвлечения уроков, независимо от того, куда они хотят и зачем: в Израиль ли, в Германию или мучиться вместе с русскими.

КТО ВЫ, ГЕНЕРАЛ ПАНАЕВ?

(Читая "Невозвращенца" в 1992-м...)

Вадим Цымбурский

Годы 1992 и 1993 станут для нас "годами Кабакова" в том же смысле, как 1984 был "годом Оруэлла". Последние месяцы небывало актуализировали текст "Невозвращенца", усугубляя аналогию между судьбами произведений Оруэлла и Кабакова (о масштабе и специфике дарований не говорю, поскольку выступаю сейчас не в качестве литературоведа). Необходимо оговорить, что я анализирую не авторский замысел, и меня меньше всего интересует, что именно хотел сказать Александр Кабаков. Мне интересна независимая от авторского замысла жизнь текста как элемента социальной мифологии, меняющего смысл вместе с переменной социокультурного контекста в зависимости от времени, обстоятельств и угла зрения.

Как известно, на Западе левые приложили геройские старания к узурпации не для них писаного текста Оруэлла, вплоть до готовности видеть в европейской обыденщине исторического 1984-го осуществле-

ние жутчайших их оруэлловских "предвидений" - на радость советским журналистам золотых дней Черненко. Точно так же, но с еще большим успехом наша борющаяся демократия на рубеже 90-х практически узурпировала текст "Невозвращенца", что особенно хорошо видно на примере "демократической" интерпретации такой темы кабаковской повести как изображение диктатуры генерала Панаева.

* * *

Опыт постперестроечного периода, как бы ни был он короток, уже сейчас взрывает эту интерпретацию, уличая ее во фрагментарности, в манипулировании разрозненными элементами сюжета в качестве несогласованных друг с другом автономных знаков хаоса, знаменующих чисто эмоционально одну и ту же дистопию "погибшей перестройки". Сегодняшний опыт подчиняет все элементы сюжета, связанные с "дик-

татурой генерала Панаева", целостному политическому образу - вовсе не укладываемому в идеологию нашей доавгустовской оппозиционной демократии.

По август 1991-го данная тема усредненно прочитывалась как образ победившего заговора антиперестроечного генералитета и Органов против "апрельских" тенденций в стране. Расправа, чинимая в журнальном варианте повести Комиссией Национальной Безопасности над жильцами "дома социальной несправедливости" по приговору собрания неформальных борцов за Выравнивание, сразу же заставляла вспомнить красный террор против буржуев - сообразно с генетически запрограммированными комплексами советской интеллигенции, выливающимися в навязчивые медитации о "диктатуре" и "люмпене". Замены в отдельном издании 1990-го года - "Комиссия Народной Безопасности" вместо "Национальной" и "Великая Реконструкция" взамен "Выравнивания" - лишь дополнительно напомнили о "народной расправе" и "врагах народа", а также включили сталинские индустриальные аллюзии.

Геркулесовыми столбами такого прочтения стало усмотрение в генерале Панаеве пророчества о гекчепистах с лукаво-восхищенным смакованием созвучия "Янаев - Панаев". Впрочем, еще в январе 1992-го московское радио открывало передачу в годовщину вильнюсских событий чтением страниц "Невозвращенца", рисующих ночную Москву под властью диктатора... Сейчас нетрудно продемонстрировать, что демократическая идеология по существу вкладывала в текст собственную сюжетную линию, игнорируя детали,

указывающие совсем в другом направлении.

Припомним, что делает генерал Панаев, когда его имя впервые возникает на страницах повести. Он выступает с докладом на Чрезвычайном Учредительном Съезде Российского Союза Демократических Партий (РСДП - заметили, читатель?) как секретарь-президент по созыву этого съезда - не где-нибудь, а в Кремле, куда ездит генерал каждый день на работу в танке, окруженном казачьей охраной. Справедливо ли смешивать с язовско-ахромеевским генералитетом бравого лидера, в трудное время пекущегося о консолидации сил молодой демократии?

Дальше, дальше, дальше... На созванном Панаевым съезде всех политических партий России в качестве зарубежных гостей восседают делегации от партий Прибалтики, Закавказья, Туркестана, Объединенных Бухарских и Хивинских Эмиратов... Читалось это примитивно, под Амальрика - как знак распада СССР и только. А не отметить ли, что генерал-диктатор, пожалуй, диктатор вовсе не от военщины, жаждавшей подморозить коммунистическую империю. Чем он не представитель самого что ни на есть прогрессивного крыла в нашей армии - руководитель демократической России, поддерживающей добрососедские отношения с самоопределившимися народами прежней державы!

Из свободно (!) вывешенного на улице дацзыбао "Тайная биография генерала" забывшие про мясо и масло москвичи могут узнать, что до 1990-го Панаев состоял в компартии и даже в райкоме каком-то работал, а потом из нее вышел. Почему же вышел? Явно - разочаровавшись в

бесчеловечной коммунистической догме и перейдя на позиции демократии, на каковых он пребывает и после своего переворота, судя по его докладу на съезде РСДП. Что, кроме "предупреждения об опасности военного переворота" прочитывалось из всего этого в 1989-м?

Нужен был 1991, когда на вершине руководства посткоммунистической России оказался передовой генерал-майор с биографией, чуть ли не тождественной биографии кабаковского Панаева, чтобы написанное черным по белому начало читаться. Но и тут не начало: продолжали жевать "Янаева-Панаева".

Какую же внутреннюю и внешнюю политику проводит генерал, который "часы у страны отобрал", - и отобрал по делу, ибо слишком уж часто их стали использовать для изготовления взрывающих устройств? Пожалуйста. Сперва о внешней. Пытаясь определить время без часов, кабаковский герой слушает информацию московского радио об очередном конфликте в Персидском заливе, где некие "клерикал-фашисты" подвергли ядерной бомбардировке "караван мирных судов", принадлежащих США и шедших под "нейтральным польским флагом". Подача этого события отчетливо выдает ориентацию панаевского официоза на демократии Запада.

Тут же в тексте и доказательства того, что правильный внешнеполитический выбор генерала не остался без награды. В Центральных Рядах, перед которыми в ночь на понедельник собираются толпы "господ ожидающих", поступают "в выдачу" хлеб Общего рынка и 400 пар американских сапог, в частных же кафешантанах подносят американскую

ветчину и французские огурцы. Как видим, с Запада не устает сочиться капель гуманитарной помощи в страну, переживающую под властью господина генерала "еще один светлый праздник освобождения". Где же тут виделся ГКЧП, готовый обниматься хоть с Каддафи, хоть с Хусейном?

Внутри же страны Панаев оказывается крутым антикоммунистом и суровым истребителем былой номенклатурной партбюрократии. При "демократическом" прочтении сцены расправы с жильцами "дома социальной несправедливости" куда-то с глаз долой пропадала табличка, вывешенная той же Комиссией Народной Безопасности на опустевшем доме, и слова на ней "Свободно от бюрократов. Заселение запрещено".

Ускользают от внимания слова о том, как Комиссия вводит по ночам бывших партфункционеров. Да не они ли это - "бюрократы" из "дома социальной несправедливости", сокращаемые распоряжением московского отделения РСДП (вспомните расшифровку, читатель!). Когда кабаковскому Юрию Ильичу предрекают, что не миновать ему отвечать на вопросы, не служил ли он в советских учреждениях и не состоял ли в партии или приравненных к ней организациях, - да не осуществление ли это заветной мечты демократической крайней о декоммунизации страны по типу немецкой денацификации?

* * *

А что же с экономикой? В кабаковской Москве 1993-го, где по ночам строчат пулеметы, "самая деше-

вая из расхожих шуточек" звучит: "Угловцев бояться - трезвым капитализма дожидаться". Гудят в ночи приватные кафешантаны, где кутят с телохранителями "очумевшие от сыплющихся с неба денег" артельщики, а на улице афганцы расстреливают "торгашей" - и опрометью спасаются от возмездия выкашивающей все живое Комиссии.

При Панаеве капитализм остается светлой перспективой, куда движется декоммунизированная страна через неизбежные трудности первоначального накопления по пути Реконструкции ("возрождения России"?). Если же брать вариант журнальный с "политикой Выравнивания" - скажем, "выравнивания стартовых возможностей" - то эта политика явственно нацелена на перераспределение ресурсов между разными группами людей в "хороших серых пальто и меховых шапках".

По тексту Кабакова я реконструирую историю переворота генерала Панаева примерно так. Летом 1992-го на гребне дикой инфляции - с полным обесценением "горбатов" рублей, тысяча которых начинает составлять недельный хлебный паек на семью из двух человек, и началом выпуска новых рублей - "талон" (вероятно, действительных лишь в России, так как в Екатеринославе их не достать) прежний коммунист, а ныне крупный демократический лидер и друг Запада генерал Панаев идет на переворот под лозунгом Выравнивания.

Выравнивание - это политика, обращенная против экс-партократов, призванная обеспечить социальные и политические предпосылки для "справедливого перехода к хорошему капитализму".

Кто может - пусть с текстом в руках это истолкование опровергнет и объяснит, как все рассмотренные моменты вместе взятые могут быть согласованы с мыслью об отражении в повести Кабакова антиперестроечного консервативного переворота.

* * *

Почему же еще в 1989-м не была допущена хотя бы возможность увидеть в "Невозвращенце" не предупреждение об опасности "генеральского заговора", а жестокий дистопический памфлет на идеалы наших демократов - вплоть до теоретиков "реформаторского авторитаризма"? Я надеюсь, что возможность такого прочтения мой анализ показал вполне определенно.

Надо признать, что сюжет прорыва к власти сквозь грязь, а местами и кровь, не мафии и не фашистов по-Кургияну, а просто новой генерации "серых парней", с криками о низвержении партократии утверждающих диктатуру, совершенно не предусматривался стандартной демократической сюжетикой. Ведь наши демократы твердо убеждены, что ненавистная компартия является "руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций".

Не на этом ли представлении построена классическая "Номенклатура" Михаила Восленского, которая, появившись в московских книжных магазинах осенью после путча, выглядела отчаянно устаревшей, поскольку в те же осенние месяцы стало ясно: та же советская система может существовать без партийного

ядра. Существовать как чистая диктатура: на треть управленческая, на треть милицмейская, на треть ресурсно-распределительная. Диктатура, способная работать на себя самое, не прибегая к дублированию своего аппарата аппаратом диктатуры партийной.

* * *

До сих пор концептуальная беспомощность перед этой картиной то и дело вызывает к жизни метафору "замаскированной партократии". Утверждение в рамках демократической идеологии подобной версии масонского мифа лишь выдает полную неподготовленность нашего мышления к нынешнему опыту - той неготовности, которая как раз и побуждала вычитывать из текста Кабакова с его то лобовыми, то полу-прикрытыми отсылками к истории большевизма, предупреждение демократа о грозящем неолевшевицском перевороте - "метастазе".

Нынешний опыт диктует восприятие этого текста в ином ключе - как либерально-консервативного памфлета на воцаряющуюся с именем "демократии", последнюю, псевдотехнократическую фазу в истории общества, некогда созданного бюрократической революцией большевизма. Это та фаза, когда система пытается выжить, отбрасывая и идеологию коммунизма, и воплощавшие ее подструктуры - в пользу самодовлеющего манипулятивного и распределительного властвования,

откровенно деидеологизированного или готового оперировать любыми прагматически привлекательными идеологемами (националистическими, религиозными, демократическими и так далее).

Впрочем, возникает подозрение, что вопреки Максy Веберу в условиях общества с крайне ограниченными ресурсами подобная система способна длительное время функционировать и без особого харизматического освящения извне, заменяя харизму отсутствием альтернативы у подавляющей массы населения, да еще прагматическими ориентировками типа: "Все мы в одной лодке, ребята!", "Некогда дискутировать, господа парламентарии, сеять надо!", "Не до критики, главное - к зиме подготовиться", "В это трудное время правительство рекомендует воздерживаться от праздников (забастовок, демонстраций, излишних вопросов и т.д.)".

Все остальное сделает ценовая и фискальная политика, предотвращающая появление в представимые исторические сроки сколько-нибудь широкого слоя людей, экономически независимых от "демократуры".

Не так важно, что сбудется, а что нет из кошмаров "Невозвращенца", - написанное Кабаковым исполняется во времени уже тем, что время все полнее вводит нас в его текст. Чем хаотичнее реальность, тем меньше хаоса в прочтении "Невозвращенца": не повод ли увидеть в бытовом аде наших дней изнанку неизбежного интеллектуального чистилища?

"СПАСАЮТ ЧЕЛОВЕКА. А ЧТО ЭТО ТАКОЕ?"

С писателем Виктором Ерофеевым
беседует Сергей Шаповал

С.Ш. - Мне кажется, что особенности нашей сегодняшней духовной жизни во многом напоминают ситуацию конца прошлого - начала нашего века, когда культура России оказалась на изломе. Как Вы относитесь к такой аналогии?

В.Е. - Я с вами согласен. Ныне, как и в конце прошлого - начале нашего века, происходит очевидный разрыв даже не между двумя поколениями, а между двумя эстетиками, двумя философскими взглядами на мир, и не существует никакой возможности взаимопонимания. И такого взаимопонимания в русской культурной жизни не было, может быть, в течение целого века. Сначала произошел разрыв советской культуры со старой русской традицией, но это шло на уровне идеологических отрицаний. А сейчас та культура, которая приходит на смену советской, каким-то образом ухитрилась не стать антисоветской. Она, как это и полагается культуре, сделала ход конем, то есть вышла за рамки линейного развития. Люди, стоявшие у истоков диссидентского и либерального движения, сейчас страшно раз-

очарованы тем, что на смену им пришли не прекрасные юноши и девушки, продолжатели их идей, а какие-то, по их понятию, монстры...

Думаю, сегодня надо отвернуться от прошлого не для того, чтобы его похоронить, а для того, чтобы попытаться что-то поискать в настоящем и будущем. Но при этом можно задевать чувства очень многих людей и даже - уничтожить смысл того, что они сделали в жизни. Обратиться в ничто их жизненный результат. Это же настоящая шекспировская трагедия, когда человек, которому сейчас 70-75 лет, сознает, что прожил свою жизнь зря. И если он посмотрит на прожитую жизнь не с точки зрения бытовой - здесь-то, как раз, может быть все в полном порядке, - а поднимется на уровень общественный и даже философский - все впустую.

И советизм, и антисоветизм были навязаны этим людям, и они проборолась, пробарахтались в сетях, которые потом, вдруг, в течение шести лет просто расползлись и превратились в какую-то гниль. Это страшная драма, и она может быть замечательно отражена в искусстве, в литературе.

С.Ш. - В нашей публицистике очень часто разворачиваются бурные дискуссии вокруг явлений, корни которых никто не хочет глубоко проанализировать. Чем Вы объясните такую поверхностность?

В.Е. - Во-первых, мне кажется, что у нас была страшно бедная и скудная философская антропология. Она изначально была задана тем, что наши мыслители предпочитали пользоваться достаточно простым срезом философии ренессансного гуманизма, европейского Просвещения и позитивистов XIX века. Этот узкий срез общемировой философии как-то удивительно удачно влился в русские головы, и даже отдельные вкрапления метафизики или мистики не поколебали незыблемость основ. Коротко это можно сформулировать как старую базаровскую позицию: человек здоров, обстоятельства больны, и для всеобщего счастья нужно их вылечить. Это наш фундамент, наша база. Многие явления русской культуры просто под нее подверстывались. Наши философские представления были просто железобетонными - казалось, они выработаны для того, чтобы существовать вечно.

Их, как ни странно, не сломал даже "бунт" конца прошлого - начала нашего века - я имею в виду движение, которое можно охарактеризовать как комплекс идей русского модернизма, декадентства, всей философии символизма и элементов нового религиозного сознания. Может быть, этому мировоззрению просто не хватило времени, чтобы укрепиться, может быть, оно было настолько чуждым широкому русскому сознанию, что не могло в него

впитаться? Во всяком случае, в октябре 1917 все это умерло, растворилось - даже на узком пространстве "элитной" культуры.

Потом начался советизм, основанный на идее воспитания нового человека и на всем комплексе большевистских идей, которые сформировали философию новой власти. Оппозиция, народившаяся в 50-60-е годы, в принципе осталась на той же философской базе. В этом "обстоятельства плохи, человек хорош" была страшная слепота, просто удивительная после такой трагедии. Казалось бы, ужасы сталинизма должны были потрясти нас настолько, чтобы мы стали способны выработать, наконец, что-то новое (как это произошло в Германии в 40-е годы). В России этого не произошло, хотя монстры были похожи - немецкий и советский.

И новое наше христианство тоже, как мне кажется, построено на позитивизме - лишь с добавлением религиозных красок, которые замешаны на традиционном русском гиперморализме, - страшной, самой по себе, вещи. Когда ты слишком моралистичен, становишься, наоборот, недостаточно моральным. В свое время Талейран замечательно сказал, что любое преувеличение ведет к недостаточности. Потому, видимо, и в новом христианстве больше морализма, чем религии. Это тоже связано со стремлением выковать нового человека: надо как бы облучить ближнего своего новым мировоззрением - чуть ли не в буквальном медицинском смысле, как больного некоей общественной болезнью - и тогда он действительно переродится. Но моралисты забывают: от облучения

могут выпасть волосы, зубы, и тогда опять получится какой-то урод.

То же самое можно сказать и о наших патриотах. В смысле любования человеческими добродетелями они заходят еще дальше, чем либералы. Они вообще считают, что русский человек в любом случае хорош, а потому и не пропадет. Ни советская власть, ни Сталин их не беспокоят. Для русского человека все это пустяк - может соплей столб перешибить. Сверхпатриотический оптимизм превращает русского человека то ли в персонаж из "Гаргантюа и Пантагрюэля" Рабле, то ли в забавный персонаж из комикса, в роде супермена.

Новая культура не стала все это считать - она стала использовать пародию как форму протеста против не то что недостаточности, а абсолютной неверности нашего закостеневшего представления о человеке. Новая культура сразу разлила черную краску антигуманизма, порой сгущающуюся до "чернухи". В самых лучших вещах, созданных представителями этой культуры, высказано глобальное сомнение в человеке. Нам сегодня приходится признать, что как раз гуманизм-то очень часто антигуманистичен. Не надо увлекаться, осторожно! Слишком большая вера в человека может привести к уничтожению жизни на Земле. Но, с другой стороны, нельзя это представлять примитивно: только антигуманистическая тенденция подлинно моралистична. Нет. Когда разочарование в человеке так глубоко, что не веришь в возможность что-то изменить, - это уже беспросветный аморализм... И все-таки, лучше относиться к человеку плохо: если проявятся в нем какие-то светлые качества, то хотя бы порадоваться

можно будет - что за милый сюрприз.

Эта тема совершенно не нова для истории: немцы развивали ее в сороковые годы. Да и в целом европейская философия XX века, которую наши апостолы или не знают, или не хотят знать, вся - недоверчива по отношению к человеку, вся под знаком - "осторожно, люди!" В том плане "осторожно", что раз люди, то можно и взорваться...

С.Ш. - Не кажется ли Вам, что Ваша позиция означает призыв к некоему повтору? Чуть больше ста лет назад Ницше буквально кричал об опасности морализма и бездумного патриотизма, о необходимости по-иному взглянуть на человека. Тогда его не хотели слышать и поняли только в начале нашего века, когда началась страшная катастрофа. Может, история повторяется? Может и нам суждено пройти этот цикл? Во всяком случае, не появляется надежды, что мы выйдем к чему-то светлому.

В.Е. - У Джойса в "Улиссе" хорошо выражено, что ничего нового ты не открываешь в мире, - есть только цикличность и повторение. Что нового открывает идущее на смену либералам поколение андеграунда, авангарда, как его называют? В общем то, что зафиксировано многократно. Еще в Средневековье говорили, что человек - это мешок дерьма, что он слаб. Эта мысль проходит через всю подлинно христианскую философию. Тут ничего глобально нового я действительно не вижу. Это нормальный поворот. Новизна - на уровне исполнения. Например, в конце века не было элемента пар-

дии. Но я считаю, что здесь, как это всегда в России бывает, из отчаяния и de profundis возникает некая светлая идея. Выявление подлинной природы человека может быть неплохим стартом для того, чтобы начать размышлять: а что вообще нужно человеку? В статье о Л. Шестове в 1975 году я писал: чтобы спасти человека, надо понять суть его природы - иначе вместо спасения ему уготована катастрофа. Я и до сих пор уверен: мы в России спасаем человека, а сами не знаем, что это такое! Это поразительная лакуна в нашей культуре. На Западе не спасают человека - там лучше его знают и потому меньше от него ждут. Поэтому западная культура работает с гораздо более умеренными величинами. На Западе человек говорит: я буду бизнесменом, продавцом авиабилетов - словом, буду вести нормальную жизнь... А у нас раньше космонавтами хотели быть, а сейчас предпринимателями космического размера! У нас все запредельно, а в результате ничего.

С.Ш. - Не странно ли, что Ваша популярность на Западе значительно выше, чем здесь? Я могу судить по немецкой прессе. Количество публикаций о Вас, рецензий,

рекламы Ваших книг очень велико - здесь этого нет. Можно ли сказать, что Вы вписываетесь в традицию Запада?

В.Е. - Запад меня понимает.

С.Ш. - Но Вы говорите, что Вас волнует судьба русской культуры, Вы хотите что-то сделать здесь, однако эти попытки не встречают понимания. Нет ли тут противоречия с русской ментальностью, которая приемлет только крайности: человек - либо говноед, как Вы говорите в одной статье, либо венец творения?

В.Е. - Я думаю, что проблема тут не в русской ментальности, - я вполне русский человек! Сложность в том, что я пытаюсь найти, смоделировать щель между сознанием, основанном на европейском и русском позитивизме, на уверенности в завтрашнем дне, и тем общехристианским сознанием, в котором переплетены сомнения в человеке, некоторая оторопь перед темными сторонами его природы и - надежда, что он все-таки выживет - ему хватит сил осознать свою смертность и дотянуться до подлинной религиозности.

Главный редактор: Анатолий Беляев

Редакционная коллегия: Денис Драгунский, Симон Кордонский, Глеб Павловский, Андрей Фадин.

Технический директор: Григорий Зайченко

Журнал "Век XX и мир" № 5, ежемесячный.

Сдано в набор 25.04.92. Подписано в печать 30.04.92.

Заказ № 519. Объем 4 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. г. Москва. Тираж 22000 экз.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО

POSTFACTUM

Специализированные издания по экономике, политике,
социологии и праву

ВЕСТНИК АНАЛИТИЧЕСКОЙ и ЭКСПЕРТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сборник аналитических и экспертных статей по проблемам экономики и политики в СССР. Все материалы "Вестника РФ" содержат данные, результаты исследований и информационные материалы ранее нигде не публиковавшиеся. Основные темы и вопросы, по которым составляется "Вестник":

- исследования рынка, данные об экономической активности и промышленном производстве в стране.
- прогнозы развития событий

- статистика, данные о состоянии общественного мнения в городах и регионах страны,

- комментарии экспертов к новым законам, подготавливаемым актам и ведомственным инструкциям,

- интервью с лицами, принимающими ключевые решения в политике и экономике СССР.

Авторы "Вестника" - ведущие ученые-аналитики и эксперты в области права, экономики и политологии.

БЮЛЛЕТЕНЬ "ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЭКОНОМИКА"

Информационный бюллетень РФ по экономическому праву. Выходит 2 раза в месяц. Каждый выпуск обобщает юридическую практику в различных областях правового регулирования экономики и включает в себя:

- тексты новых нормативных документов союзного и республиканского значения;

- комментарии квалифицированных юристов;

- информация о практике применения новых законодательных актов в экономике;

- тематические подборки комментариев к различным группам нормативных актов.

"ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ"

Дважды в неделю агентство выпускает информационный бюллетень РФ экономических новостей и обзоров.

Каждый из бюллетеней включает в себя:

- полную текущую информацию о событиях в экономике страны - от высших структур государственной власти до информации отдельных фирм;

- обзоры и комментарии по экономическим тенденциям недели;

- справочную информацию по открывающимся и функционирующим предприятиям, банкам, СП, деловым ассоциациям.

- экономический мониторинг советской прессы;

Материалы готовятся собственными корреспондентами РФ, а так же специалистами в различных сферах экономики с привлечением независимых и государственных экспертов.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО POSTFACTUM

123308, МОСКВА Хорошевское ш. 41; телефон: 195-1920, телефакс 195-1820

телекс: 411712 POSTF SU, телетайп: 207687 КЛАРЕТ

р/с 467005 в Коммерческом Инновационном Банке НТП (МФО 299112)

корреспондентский счет N 161707 в Центральном Операционном

Управлении Госбанка СССР

По вопросам подписки на издания агентства обращаться по телефону: 255—9341

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском и английском
языках

Журнал независимых мнений

ВЕК XX И МИР

XX CENTURY AND WORLD

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Тверская ул, 16/2,

Индекс 70188

